

Л И Д I Я.

Романъ

Н е з р и .

Переводъ В. Крестовскаго (псевдонимъ).

I.

На площади толпилась масса любопытныхъ, преимущественно женщинъ. Всѣмъ хотѣлось поглазѣть на аристократическую свадьбу. Невѣсту одни знали лично, другіе по наслышкѣ.

Семейство очень извѣстное. Старики помнили Джованни Коломбо, мелкаго купца, торговавшаго холстомъ. Сынъ его, Джузеппе Коломбо, поставилъ дѣло уже на широкую ногу. Потомъ этотъ Джузеппе Коломбо сдѣлался «синьоромъ Коломбо», кончилъ торговлю и сталъ жить богато. «Синьоръ» Коломбо былъ человѣкъ, очень ловкій и изворотливый, не пренебрегалъ ничемъ и черезъ нѣсколько лѣтъ при помощи различныхъ уловокъ нажилъ громадное состояніе.

Въ своемъ щекотливомъ положеніи синьоръ Коломбо, человѣкъ тонкій и практическій, умѣлъ устроиться такъ, что не задѣвалъ никого: съ важными господами онъ добрый малый, какъ будто извиняющійся, что вмѣшался въ ихъ кругъ; съ бѣдными онъ щедръ, кошелекъ его открытъ для всѣхъ. Онъ сталъ силой. Многіе потомки крестоносцевъ обходились съ нимъ, какъ съ равными, явною снисходительностью маскируя смиреніе побѣжденныхъ. И вдругъ, нежданно, быстро, сбивая всѣ догадки, синьоръ Коломбо былъ сдѣланъ графомъ.

Въ интимныхъ кружкахъ, въ задушевныхъ бесѣдахъ, надъ этимъ графствомъ подсмѣивались; но Коломбо былъ непроницаемъ; онъ еще щедрѣе сыпалъ деньги направо и налево, женилъ

единственного сына на знатной дѣвицѣ-безприданницѣ и, такимъ образомъ, породнившись съ настоящими, родовыми графами, про никъ въ среду высшаго общества. Передъ нимъ отворились всѣ двери. Онъ былъ настолько философъ, что не прислушивался, скрипять ли эти двери, или иѣтъ.

Но самую тонкую дипломатическую ловкость выказалъ онъ, заставивъ общество примириться со своею женой. Графиня Коломбо была еще страннѣе своего мужа. Явилась она неизвѣстно откуда и положительно могла считаться самою безобразною изо всѣхъ синьоръ, что катаются, раскинувшись на подушкахъ, въ коляскѣ. Когда она входила въ гостиныя, другія дамы инстинктивно отдалялись, отворачивались отъ этого пошлаго лица, еще болѣе смѣшнаго среди перьевъ и брилліантовъ.

Мужчины посматривали на нее насмѣшливо и въ полголоса повторяли скандальные анекдоты изъ ея прошлаго. Она, непоколебимая, сильная захваченнымъ положенiemъ, зная силу мужа, зная по опыту слабость всякой души человѣческой, проходила спокойно, ничего не слушала, пустоты кругомъ себя не замѣчала, садилась, оправляла свое бархатное платье и ждала.

И всегда подходила бѣ ней какая-нибудь дама изъ незамѣтныхъ, какая-нибудь простодушная особа здоровалась съ нею, мужчины вдругъ дѣлались серьезными и почтительно спѣшили за свидѣтельствовать свое почтеніе графинѣ, которая не мстила никому. Она встрѣчала всѣхъ по-своему, мѣщански - радушно, шумно, безтачно. Въ этомъ обществѣ ей не удалось завоевать себѣ мѣста; время отъ времени у нея бывали свои битвы; она побѣждала, довольствуясь немногимъ.

Въ послѣдніе годы она принялась играть; эта страсть, завершая рядъ ея прежнихъ страстей, поглощала ее всецѣло. Она несла къ карточнымъ столамъ всѣ порывы, которые когда-то разрушили ея красоту; что-то неудовлетворенное, сжигающее сверкало въ ея глазахъ, вырывалось въ ея движеніяхъ; когда она тасовала карты, то вся дрожала, будто ставкою была ея жизнь.

Во дворъ мэріи, впереди всѣхъ, вѣхала карета невѣсты; лакей отворилъ дверцу; иѣсколько господъ выскочили изъ другихъ каретъ и окружили первую. Мелькнуло облако кружева, мелькнуло, будто видѣніе, и исчезло.

По недоразумѣнію, въ тотъ же часъ была назначена другая свадьба и пара брачующихся явилась, извиняясь, что замедляетъ

церемонио: люди изъ простыхъ; времени у нихъ въ обрѣзъ. Графъ Коломбо, вѣрный принципу, которымъ упрочилъ свое благосостояніе, ни за что не захотѣлъ пользоваться первенствомъ, уступилъ его бѣднякамъ и, сидя съ друзьями и родственниками въ залѣ, смежной съ брачною, ожидалъ своей очереди, какъ простой смертный. Онъ весело разговаривалъ съ синдикомъ, покуда въ отворенную дверь не послышался голосъ секретаря, который читалъ протоколъ, а строгій асессоръ, казалось, считалъ минуты.

— Слѣдовало бы имѣть двѣ свадебныхъ залы! — вскричала одна герцогиня, правнучка крестоносцевъ.

Графъ Коломбо наклонился къ ней, тонко и лицемѣрно улыбаясь.

— Какъ на жѣлѣзно-дорожныхъ станціяхъ. Вы совершенно правы... Но законъ одинъ для всѣхъ.

— Сию минуту... —тихо сказалъ синдикъ.

По благородному кружку будто пробѣжало электричество.

— Въ первый разъ въ жизни дожидаюсь! —сказала герцогиня.

Въ глубинѣ залы графиня Коломбо оживленно разговаривала съ старымъ, подкрашеннымъ господиномъ. Ея очи метали пламя.

— Американская игра называется *покеръ*... Вотъ какъ-нибудь вечеромъ я вамъ покажу...

Тереза Коломбо (въ семье ее называли Тea) и Фридрихъ фонъ-Штернъ сидѣли на красныхъ бархатныхъ креслахъ и серьезно слушали статьи закона.

Только двѣ девушки не сѣли рядомъ съ другими на мѣстахъ, назначенныхъ для публики, и стояли, почти прячась за драпировки у дверей залы, гдѣ ожидали. То были Костанца-Джеронима, дочь маркизы Аrimонти, и истинный другъ ея, Ева Сеймуръ.

Прелестная Ева, вся въ бѣломъ, непринужденно прислонилась головой къ стѣнѣ, отъ чего ея античная фигура казалась еще очаровательнѣе. Костанца, немного холодная, съ правильными аристократическими чертами, въ простомъ серебристомъ платьѣ, стояла подлѣ подруги, разсѣянная, какъ человѣкъ, который чувствуетъ себя не на мѣстѣ.

— Тea сегодня счастлива.

— Ты думаешь?

Онѣ переглянулись.

— Для тебя,—продолжала Ева своимъ бархатнымъ голосьмъ,—для тебя счастье найти нелегко.

— Нелегко. У меня есть девизъ, знаешь?

— Девизъ Аrimонти?

— Девизъ Костанцы-Джеронимы: *Все или ничего.*

Она выговорила это тихо, но гордо, и ея глаза засвѣтились.

— И у меня есть девизъ,—сказала тихо Ева:—*Быть любимой.*

Костанца подумала, кивнула головой и возразила быстро и увѣренно:

— Мало.

Ева не отвѣчала и опять прислонилась къ стѣнѣ, устремивъ свои глаза въ пустое пространство. Хотя общее вниманіе привлекала невѣста, но нѣсколько мужчинъ заглядѣлись на Еву.

Прислоненная къ стѣнѣ, неподвижная, она казалась картиной Джорджоне. У нея были свѣтлые блокуры волосы и огромные черные нѣжные глаза. Волнистая линія головы, плечъ, стана была изящна въ совершенствѣ. Отъ ея лица, отъ всей фигуры вѣяло чистотой, счастьемъ, спокойствіемъ и какою-то удивительною соразмѣрностью во всемъ.

Подруги продолжали молчать; вдругъ въ толпѣ мелькнула необыкновенная розовая шляпка.

— Лидія!—вскрикнула Ева.

Изъ-подъ полей этой задорно-высокой шляпки раздался смѣхъ.

— Ты опоздала, уже кончено.

— Дядя не хотѣлъ... Я просила, просила...

— Ты, по крайней мѣрѣ, не показывайся въ своей шляпѣ,—всѣ станутъ оглядываться.

— Вы не хотите, чтобы я смотрѣла, а вы-то что тутъ дѣлаете, за занавѣсками?

Ева отвѣчала ласково и таинственно:

— Сообщаемъ другъ другу наши девизы.

— У васъ есть девизы? Какіе же? Это интересно!

— Девизъ Костанцы: *Все или ничего*, а мой—*Быть любимой.* Какой тебѣ больше нравится?

Шалунья улыбнулась и поправила шляпку.

— Не знаю, право. Одинъ слишкомъ серьезенъ, а другой—санитименталенъ.

— Ты себѣ какой придумаешь?

- Надо подумать.
- Девизъ долженъ выражать всѣ твои понятія, всѣ стремленія, понимаешь?
- А если такъ, извольте: *Забавляться!* Хорошо?
- Бостанца отступила назадъ, почти возмущенная. Ева слегка, матерински, ударила шалунью по пальцамъ.
- Хорошо, что никто тебя не слышалъ.
- А еслибы и слышали? — живо возразила Лидія. — Развѣ не всѣ хотятъ того же?

Церемонія кончилась. Синдикъ разсыпалъ во всѣ стороны улыбки, рукопожатія, поздравленія; посторонняя публика расходилась, зала пустѣла. Двинулись и новобрачные, но опять попали въ толпу, которая нетерпѣливо ждала во дворѣ.

Бостанца сѣла съ своею матерью въ закрытую карету.

— Ты въ своей каретѣ? — спросила Ева Лидію.

— Нѣть.

— Такъ хочешьѣ ходить со мной? Мы не въ свадебномъ поѣздѣ, не на службѣ у родственниковъ, какъ бѣдная Бостанца... Отецъ, не правда ли? Позволь мнѣ, отвеземъ Лидію домой.

Баронетъ Сеймуръ былъ старикъ и казался дѣдомъ своей дочери, но, видя ихъ вмѣстѣ, всѣ находили, что они — удивительная пара. При сѣдинахъ, у него сохранилась строгая античная красота; она, въ золотыхъ кудряхъ, сияла, какъ вѣчно юная богиня. Въ обоихъ виднѣлись сила и спокойствие англосаксонской расы; только глаза дочери сверкали огнемъ юга, — то было наслѣдство ея матери.

Почти до сорока лѣтъ сэръ Эдвардъ Сеймуръ еще ни разу не испыталъ чувства любви, да ему и некогда было думать объ этомъ, — вся молодость его прошла въ научныхъ трудахъ или путешествіяхъ. Море, неотвязная любовница, Армида, не выпускающая своихъ плѣнниковъ, влекла его къ себѣ постоянно. На палубѣ корабля, въ звѣздныя тропическія ночи, Сеймуру не грезились женщины... Но однажды зимой въ Неаполѣ онъ встрѣтилъ бѣдную дѣвушку, учительницу, и полюбилъ въ первый разъ. Онъ былъ одинъ на свѣтѣ, безъ сословныхъ предразсудковъ, и женился. Чрезъ годъ она умерла.

Въ первые дни онъ едва не обезумѣлъ; понемногу отчаяніе перешло въ тихое, постоянное горе. Онъ не уѣхалъ больше изъ Италии, перенося изъ города въ городъ свою скорбь по обожа-

мой женинъ. Съ нимъ постоянно видѣли ангела-дѣвочку, всегда одѣтую въ бѣломъ. Въ сердцѣ баронета начала возрождаться новая любовь, на половину перемѣшанная со скорбнымъ воспоминаніемъ о прошломъ, навѣки утраченномъ счастьѣ.

II.

«Пишу тебѣ на-скоро, милая Ева. Мнѣ не хочется, чтобъ до тебя дошли слухи въ извращенномъ видѣ. Наша Лидія надѣла чудесь, по своему обыкновенію. Между недостатками ея воспитанія есть одинъ: ея мать,—знаешь, какъ она беззаботна и лѣнива?—тяготится обществомъ „своего чертежника“ и позволяетъ ей уходить, куда она хочетъ, одной, подъ предлогомъ, что „могно, деревня“. Донъ Леопольдо, очень справедливо, желаетъ тоже отдохнуть отъ должности наставника-наблюдателя, и Лидія, въ кирточкой юбочки, въ соломенной шляпичкѣ, скакать по доламъ и горамъ аркадскою пастушкой. На видъ ей никакъ не дашь шестнадцати лѣть, и до нѣкоторой степени становится понятно, что ее въ прошломъ году называли «бѣби».

«Гуляла она по берегу озера, около заливчика, гдѣ крестьянки полощатъ бѣлье. Тамъ была одна старуха и съ ней внучекъ, лѣть трехъ. Какимъ-то образомъ ребенокъ свернулся и—въ воду, съ головой, а потомъ вдругъ опять показался, но уже далеко. Старуха кричать, въ отчаяніи, ничего сдѣлать не можетъ; рыбаки на другомъ берегу, не понимаютъ, что случилось. Наша Лидія въ секунду снимаетъ съ себя долой платье и бросается въ воду... Пойми, я только изъ приличія говорю *платы...* Рыбаки поспѣшили, приплыли.

«Вся наша милочка видна въ этомъ поступкѣ; объяснять нечего. Но и сказать тебѣ не умѣю, какъ злословить въ Бельд-жирате, какія сплетни составляются насчетъ Лидіи.

«Всѣхъ больше страдаетъ донъ Леопольдо. Дворянинъ старого закала, онъ придерживается аристократическихъ привычекъ и вообще деликатенъ до щепетильности; для него, послѣ чести, выше всего вопросъ о формѣ и приличіи.

«Жалки всѣ они трое, принужденные жить вмѣстѣ и такъ мало похожіе другъ на друга. Между матерью и дядей Лидія мечется, какъ членокъ на волнахъ. Донъ Леопольдо видѣть многое, но сказать невѣсткѣ—значить дать ей понять, что она не занимается дочерью. Онъ дѣлаетъ, чтобъ можетъ, провожаетъ ее въ гости

къ ея пріятельницамъ, скромно-археологически, остроумно разсказываетъ ей воспоминанія своей юности; разсуждаетъ съ нею о статьяхъ *Revue des Deux Mondes*, которую выписываетъ тридцать лѣтъ подрядъ. Онъ, можетъ быть, уменъ, но его, какъ меньшаго сына знатнаго семейства, всегда держали въ тѣни, на второмъ планѣ.

«О, какъ они падаютъ вокругъ насъ, эти славные дубы, которые оставили намъ преимущество благороднаго рожденія, достоинства, величія духа!

«Не знаю... Не могу оторваться отъ того, что нынче называютъ предразсудками. Я смотрю на нихъ иначе,—не съ точки зрѣнія нынѣшней пошлости,—я смотрю, какъ они родились, крѣпкіе, непобѣдимые. По моему понятію, *аристократія*—сионимъ всего высшаго и чистѣйшаго, и я горжусь, что принадлежу къ касть, которая *обязана* подавать примѣръ добродѣтели и доблести...

«Ты скажешь, что слишкомъ много противныхъ примѣровъ разбиваются это воображаемое превосходство. Правда. Но когда благочестивые люди дѣлаются атеистами *только* потому, что бываютъ дурные священники, то мнѣ кажется, что у этихъ благочестивыхъ людей и раньше не было вѣры...

«Что сказать о себѣ? Тоскую, и только. Почему тоскую—мудрено объяснить. Крестьяне зовутъ меня *маркезиной*, видѣть, что я молода, здорова, богата, и, конечно, полагаютъ, что я блаженствую. Но чѣмъ больше я вглядываюсь въ *жизнь*, тѣмъ яснѣе понимаю, что блаженство не создано для меня или я для него... Можетъ быть, и такъ.

«Помнишь день свадьбы Тea? Какая печальная свадьба! А, однако, всѣ довольны. Тea пишетъ изъ Вѣны, что совершенно счастлива, а ея маменька, тасуя карты, провозглашаетъ себя счастливѣйшею изъ матерей... Я не выйду замужъ; это вѣрно.

«Я требую отъ любви слишкомъ многаго, неосуществимаго. Можетъ быть, въ какомъ-нибудь уголкѣ вселенной, далеко,—а, можетъ быть, и близко,—живеть «человѣкъ моихъ мечтаній», идеаль Іоланды... Но она, Іоланда, удовлетворилась искателемъ приключений. Нѣть, девизъ Костанцы-Джеронимы «Все или ничего». Я не пойду замужъ.

«Но *жизнь* пуста безъ любви. Отъ недостатка любви люди дѣлаются хуже. Солнце, говорять, все охлаждается понемногу и земля умретъ, когда больше не станетъ тепла. То же и съ людьми въ нашемъ обществѣ: въ душѣ у всѣхъ что-то холодѣетъ.

«Вчера я сидѣла у открытаго окна своей комнаты; налетѣла гроза. Подъ бѣшеными порывами выли, крутились деревья; струи огня перерѣзывали черное небо; горячее дыханіе вихря колебало тяжелый воздухъ.

«Вдругъ на пыльную листву упали первыя капли и продолжали падать, чистыя, блестящія, свѣжія. Меня охватило восхитительное спокойствіе. Дождь шумѣлъ, заливая садъ, поле, дальше, чѣмъ глазъ могъ окинуть... Чувствовалось какое-то облегченіе, будто съ земли смывались всѣ печали, съ людей— всѣ преступленія...

«Люблю я деревню, свободу, единеніе,— милое единеніе, которое заставляетъ думать,— не потому, чтобы я не любила людей; напротивъ, мнѣ кажется, что съ такими, какъ я, мнѣ жилось бы лучше... Но я ни на кого не похожа или, вѣрнѣе, я похожа на людей, жившихъ встарь и теперь забытыхъ своими потомками...

«Иногда я спрашиваю себя, не тѣнь ли я какой-нибудь древней владѣлицы замка, какой-нибудь моей пррабабушки... вотъ, той Джеронимы, чье имя я ношу съ такою гордостью, чей портретъ виситъ надъ мою постелью? Мать позволила мнѣ взять его сюда за мою любовь къ героинѣ, моей теткѣ.

«Я знаю, надо мнѣ смѣяться и за это, и за то, что отдаляюсь отъ общества, меня называютъ затворницей и ханжой, говорятъ, что мой *аристократизмъ*—притворство, аффектація. Нѣть, неправда, я искренно терпѣть не могу всего, чтѣ сверкаеть, трещить, толкается,—подѣльного золата, подѣльной добродѣтели, купленныхъ титуловъ; а такъ какъ вижу, что все это ростетъ, выступаетъ впередъ, захватываетъ наши дома, наши семейныя убѣжища, я отдаляюсь, я ухожу... Не знаю, чѣмъ бы я ни пожертвовала, лишь бы не обниматься съ графинями Коломбо!...

«Хочешь ли знать исторію моей пррабабушки?

«Въ концѣ семнадцатаго вѣка Джеронима, изъ рода маркизовъ Аrimонти, двадцатилѣтняя богатая красавица, жила очень одиноко. Ея мать не отличалась строгостью своего поведенія, бабка тоже, и въ современныхъ запискахъ говорится объ одной Аrimонти, которая была замужемъ за французскимъ дворяниномъ и при Людовикѣ XIV оспаривала владычество у Ментенонъ.

«Нехорошее стояло время для женщинъ моего семейства, но чистая Джеронима не имѣла ни о чёмъ понятія. Она росла въ далекомъ замкѣ, не зная черноты и злобы свѣта, работала,

играла на арфѣ, охотилась подъ защитой стараго сокольничьяго, была добра и щедро одѣяла всѣхъ окрестныхъ бѣдняковъ.

«Ее полюбиль молодой человѣкъ изъ знатнаго и вліятельнаго семейства; она тоже отвѣчала любовью и все, казалось, шло къ счастливому концу. Но когда молодой человѣкъ объявилъ своей матери, что хочетъ жениться, старая генуэзская княгиня рѣшительно возстала. Все было напрасно—просьбы, мольбы: княгиня объявила, что не приметъ въ свой домъ невѣстки изъ дома Аrimonti.

«Невинная Джеронима преклонилась предъ гордою обидой. Какъ должна была она страдать за чужой позоръ! Какъ велика, священна казалась ей необходимость смыть пятно съ своего рода! Молодой человѣкъ любилъ ее безъ мѣры, хотѣль жениться противъ воли матери, но гордая дѣвушка не могла и подумать, что ее выгонять изъ дома или будуть только терпѣть тамъ, куда она имѣла право войти, высоко поднявъ голову...

«Разставаніе несчастныхъ было ужасно. Съ того дня Джеронима отказалась отъ свѣта, благородно отомстивъ этимъ женщинѣ, которая ее опозорила. Она осталась навѣки въ своеемъ замкѣ, окруженнайа болыными, раздавая все, что имѣла, на конецъ, обратила самый замокъ въ монастырь и умерла его настоятельницей... Нужна была жертва цѣлой жизни, чтобы восстановить добрую славу дома Аrimonti.

«Прошло почти два вѣка. Минѣ все кажется, что чистота Джеронимы съ высоты свѣтить надъ нами...

«На портретѣ, что надъ мою постелью,—блокурая дѣвушка. Она не совершенная красавица, но если оживить жизнью эти голубые глаза, эту высокій лобъ, эти блѣдныя губы, вдохнуть душу Джеронимы въ холодное изображеніе — оно будетъ очаровательно».

III.

Въ гостиной, скучо освѣщенной масляною лампой, донъ Леопольдо стоялъ, прислоняясь къ камину.

Онъ былъ во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ; палевыя перчатки лежали на дощечкѣ камина. Платье сидѣло нѣсколько мѣшковато на его худощавомъ тѣлѣ, но благородная, непринужденная осанка исправляла этотъ недостатокъ.

На спокойномъ лицѣ дона Леопольдо не выражалось ни малѣйшаго нетерпѣнія. Уже много мѣтъ привыкъ онъ жить для

другихъ, взялъ на себя обязанность всюду сопровождать невѣстку, вдову своего брата. Но теперь онъ готовился везти свою племянницу, Лидію, на ея первый балъ, и, сохраняя внѣшнее спокойствіе, внутренно волновался. Онъ чувствовалъ, какъ важенъ первый шагъ въ свѣтѣ для дѣвочки, любимой и всѣми избалованной; за всѣ свои достоинства эта дѣвочка не найдеть въ обществѣ безграничнаго снисхожденія матери и дяди...

Снисходительный донъ Леопольдо видѣлъ все и все понималъ. Отъ его тонкаго чутья не скрывались недостатки этого огневаго нрава; этому нраву была нужна узда. Но мать ничего не видѣла, не понимала. Богатая буржуазка, романтическая, лѣнивая, она освоилась съ аристократическою средой, но не прониклась ея правилами. Она была недальновидна, уживчиво-добра, полудобрѣтельна,—впрочемъ, на ея добродѣтель никто не дѣлалъ серьезныхъ нападеній. Она жила въ своихъ креслахъ, читала романы, цѣловала дочку всякой разъ, когда та случалась близко, и безъ труда завоевала титулъ нѣжной матери.

Портѣра вдругъ распахнулась и Лидія влетѣла въ гостиную, какъ ракета.

— Смотри, дядя!

Она говорила, зарапѣе увѣренная въ эфектѣ. Донъ Леопольдо еще не очнулся отъ своихъ видѣній и медлилъ отвѣтомъ.

— Смотри же, хороша я?

— Да... да... Хороша.

— Какъ ты это говоришь! Что ты задумался?

Мысли дона Леопольдо были далеко, но, все-таки, онъ добро-
душно отвѣтилъ:

— Ты, какъ всегда, миленькая.

— Отлично! Какъ будетъ весело!

Она не была красавицей, какою себя воображала и, можетъ быть, казалась снисходительнымъ глазамъ дяди. Она была, какъ говорится, *пикантна*, оригинальна, невысока, стройна, съ изящными руками и ногами. Головка ея съ впалыми висками глядѣла умно; глаза огромные и веселые; вздернутый носикъ, на-
смѣшилывая губки, — все неправильно, но гармонично, одно
къ одному. Непроколотыя уши казались между волосъ розовы-
ми раковинами. Волосы ея были темные, но отъ завиванья, пуд-
ры, духовъ, растительного масла они принимали отливъ каштано-
выхъ и бѣлокурыхъ, мѣняясь по днямъ и часамъ. На этотъ разъ
Лидія капризно разсыпала ихъ воздушными волнами, подхвачен-

ными на затылкѣ розовымъ бантомъ; спереди они бахромой спускались до бровей. Блѣдно-гороховое креповое платье, казалось, было случайно наброшено на маленькую юбку,—такъ оно было пышно; но тугой шелковый корсетъ сжималъ ея станъ, выдавая его контуры, оставляя свободными только руки и плечи, открытыя до подмышекъ, гдѣ корсажъ окаймлялся гирляндою мелкихъ розъ. Перчатки, подъ цвѣтъ платья, сливались съ цвѣтомъ тѣла. Дѣвушка вся казалась цвѣткомъ розы.

— Хороша!—сказаъ про себя донъ Леопольдо.

Чего собственно ждала она, она и сама опредѣленно не знала; она выросла среди поклоненій роскоши и красоты. Еще съ дѣтства, закутанная въ кружева, она привыкла слушать восторженныя похвалы своей нянѣки-англичанки.

Позднѣе, затѣйливыя игрушки, художественные вещицы, дорогие переплеты книгъ, красивая мебель, золотыя бездѣлки, всякая окружавшая ее мелочь постоянно поддерживали въ ней привычку ставить красивое выше всего.

Отъ нянѣки къ гувернанткѣ, отъ учителя музыки къ учителю рисованія она переходила безъ сознанія, безъ сравненій; было много учителей, но ни одного, который заронилъ бы здравую мысль въ ея голову. Она выросла свободною среди общества, гдѣ все—одно лишь притворство, и принимала красивое просто, безъ объясненій, рѣшительно не понимая ничего, чтѣ было выше или сложнѣе *ощущенія*.

Она была дитя своего времени: смѣясь разорившейся аристократіи и дерзкой буржуазіи. Умная отъ природы, она затаила въ себѣ начала добра и зла, и ни одно изъ нихъ не развивалось и не господствовало. Поверхностное воспитаніе заставило въ ней застыть всякую самобытность. Она не понимала, что такое любовь, и искала забавы. Со всѣмъ тѣмъ, она была увѣрена, что она не только всѣхъ лучше, но и всѣхъ добрѣе.

— Тебѣ, дядя, весело?

Она кокетливо погладила подбородокъ старика.

— Весело.

Ему не было никакого повода быть веселымъ: въ шестьдесятъ лѣтъ ѣхать на баль значить приносить жертву. Но донъ Леопольдо привыкъ къ добруму притворству и повторилъ:

— Мнеъ очень весело.

У Лидіи уже больше не осталось ни малѣйшаго упрека на совѣсті; она полагала, что дядю, какъ и ее, должно интересовать все.

IV.

Лидия безъ малъшаго смущенія вошла въ ярко освѣщенную бальную залу. Полная самоувѣренность сказывалась во всѣхъ ея движеніяхъ, въ смѣломъ взглядѣ, въ непринужденной улыбкѣ, въ манерѣ подавать руку знакомымъ.

Можно было подивиться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пожалѣть, глядя на это едва сложившееся дѣтское лицо и на эти свѣтскія замашки,—подивиться, если бы не всѣ женщины кругомъ Лидіи были такія же; вся зала напоминала садъ, полный искусственныхъ цвѣтовъ.

Ее окружили пріятельницы, всѣ хорошенъкія, нарядныя и также развязныя.

Лидія опытнымъ взглядомъ окинула туалеты дамъ и покусывала губки, встрѣчая наряды лучше своего.

На мужчинъ она смотрѣла съ недовѣріемъ и не особеннымъ интересомъ. Наприимѣръ, маркизъ Герарди, колосъ съ бычачьей шеей, со спиной носильщика, весь пропитанный запахомъ сигаръ и конюшни. Литераторъ Бонелли, сухой, вытянутый, кланился, будто выдвигается изъ футляра, будто хочетъ сказать: «я всѣхъ вижу насквозь и всѣ ваши души понимаю». Скептикъ — адвокатъ Кальми, который отъ рода не любилъ ни одной женщины,—отъ любви къ нему одна дѣвушка съ ума сошла, а онъ даже не пересталъ смеяться! Молодой герцогъ Кастель-Габбіано, чахлый, близорукій, безволосый кретинъ. Алари и Солудци — обручились съ горными вершинами, альпинисты, способные въ валсьѣ разсуждать о Монбланѣ... Еще кто? Три-четыре кавалериста; они здѣсь уже два года, давно извѣстные. Еще... Еще кто же? Всѣ, толпа.

— Кто этотъ стройный офицерикъ, морякъ?
 — Графъ Рамбальди; онъ только что возвратился изъ Индіи.
 — Джиджи?—вскричала Лидія и вся покраснѣла отъ радости.—Точно, въ самомъ дѣлѣ, это Джиджи? Да я его разцѣлу! Онъ другъ моего дѣтства,—продолжала Лидія, забывая держаться прямо и выдвигаясь впередъ.

Лидія хотѣлось играть, забавляться, смеяться, излить буда-нибудь избытокъ своихъ силъ. Джиджи напоминалъ ей бѣготню въ чудесномъ густомъ паркѣ ихъ виллы, напоминалъ игру въ воланъ, напоминалъ веселье. Ее не тревожило смѣхъ пріятельницъ; она не знала, какое зло несутъ съ собою эти насмѣшки, эти

невидимыя стрѣлы, и продолжала такъ упорно смотрѣть на молодаго моряка, что тотъ самъ это замѣтилъ и, узнавъ свою бывшую маленькую подругу, подошелъ поздороваться. Лидія радостно протянула руку.

— Какъ ты выросъ!

Графъ очень серьезно и учтиво спросилъ:

— Какъ ваше здоровье, синьорина?

Лидія вдругъ оправилась, сжала губы, опустила глаза и понизила голось.

— Благодарю васъ. А вы?

Оркестръ началъ польку.

— Вы не ангажированы?

Она была ангажирована, но сдѣлала видъ, что забыла; ей хотѣлось уйти изъ кружка дѣвицъ подъ руку съ Рамбальди.

— Вы опять уѣдете въ Бомбей?

— О, нѣтъ.

— Какъ вы увѣренno говорите!

— Я всегда увѣренъ въ томъ, что говорю.

— Позвольте: вы сейчасъ намекали, что я хороша.

— И повторяю.

Въ то время, когда Джиджи Рамбальди, какъ человѣкъ воспитанный, говорилъ любезности своей дамѣ, она украдкой въ него вглядывалась. Онъ выросъ, какъ она и вообразить не могла. А она осталась маленькою. И какой онъ сильный! Танцуя, онъ поднимаетъ ее за талию, какъ перышко. Разъ его загорѣлая щека коснулась ея кругленькой щечки, и у Лидіи явилось сумасшедшее желаніе ущипнуть его за подбородокъ и поцѣловать. Но онъ такой серьезный, разсѣянный, все молчитъ. А ей такъ хотѣлось говорить.

— Помните, какъ въ Бельджирате мы, бывало, бѣгали на озеро, по кустамъ, по горамъ... качели, воланъ... помните?

— О, конечно.

— Когда мы разъ, вечеромъ, заблудились въ паркѣ, вы хотѣли построить шалашъ, чтобы въ немъ ночевать...

— Ахъ, да.

— И мы столько цвѣтовъ нарвали! Помню, все почти фіалки; ихъ тамъ много въ лѣсу. Вотъ какъ эти...

Она показала на букетъ у своего пояса.

Онъ поспѣшилъ сказать:

— Прелестъ! Я особенно люблю фіалки.

Не задумываясь, Лидия подала ему букетъ. Онъ немнога удивился, но взялъ и заткнуль его въ петличку. Она оглянулась и встрѣтила взгляды Евы и Костанцы. Но что-жъ такое? Не преступленіе какое-нибудь—дать цвѣтокъ товарищу дѣтства... Лидия пожала плечами и опять обратилась къ Джиджи, который, кусая усы, лорнировалъ залу.

Въ буфетѣ донъ Леопольдо угощалъ свою невѣстку, которой прислуживалъ весь вечеръ. Онъ уже давно предпочелъ бы лежать въ постели, съ книжкой *Revue des Deux Mondes*, но герой, невольникъ учтивости все еще наклонялся къ креслу донны Клары и, граціозно улыбаясь, показывалъ свои вставные зубы.

Подлѣ нихъ Лидия ъла мороженое, машинально, почти не чувствуя, вся погрузясь въ созерцаніе зеркала. Рада два донъ Леопольдо оглянулся,—что такое занимаетъ племянницу?—и заключилъ, что въ шестнадцать лѣтъ небольшое тщеславіе извинительно. Донна Клара, зѣвая, произнесла, что зеркала несносны, потому что въ нихъ заглядываешь невольно, хотя бы и не хотѣлось.

Лидия все смотрѣла, смотрѣла мимо собственного отраженія, въ уголъ залы, заставленный высокими растеніями; въ зеркалѣ онъ былъ видѣнъ отлично. Тамъ, на диванѣ, сидѣлъ молодой морской офицеръ; онъ казался оживленъ, будто на палубѣ своего корабля, и говорилъ съ дамой, не сводя съ нея глазъ; она игриво, кокетливо улыбалась, съ тѣмъ невыразимымъ довольствомъ, которое разливается по лицу женщины, когда за нею ухаживаетъ молодой человѣкъ.

Смѣлые взгляды молодаго человѣка говорили: «Вы хороши, вы мнѣ нравитесь и я васъ люблю».

Глаза синьоры отвѣчали: «Вѣрить ли? Это, вѣдь, всѣмъ говорится!»

Онъ крутилъ усы и страстно заглядывалъ ей въ глаза, она же спокойно улыбалась и обмахивалась вѣромъ.

— Весело видѣть, какъ веселятся молоденькия дѣвушки! --- размышляя вслухъ донъ Леопольдо.

Его слова упали глухо, какъ камень въ болото. Донна Клара только утвердительно кивнула головой. Лидия продолжала смотрѣть въ зеркало. Тѣ, двое, сидѣли все тамъ же, только дама прислонила головку къ подушкѣ дивана и устремила блуждающій взоръ въ потолокъ. Рамбальди покраснѣлъ.

Вдругъ она выпрямилась и, подсмѣшиваясь, указала кончикомъ вѣра на букетъ въ петличкѣ молодаго человѣка. Тотъ, не колеблясь, выхватилъ фіалки всѣ до послѣдней, до крошечнаго приставшаго листочка, смялъ ихъ и бросилъ за диванъ.

— Дядя,—сказала Лидія, сжимая зубы,—знаешь ты синьору Капителли?

— Синьору Капителли?—повторилъ старикъ, слѣдя за взглядомъ племянницы, но уже ничего не видя въ зеркалѣ, такъ какъ пара ушла.

— Да, синьору Капителли; сейчасъ она прошла съ Джиджи Рамбальди.

— Красавицу синьору Капителли?

— Ты находишь, что она красавица?—вскричала Лидія, пожимая плечами.—Но я тебя не обѣ этомъ спрашиваю. Что это за женщина?

— О, женщина превосходная, совершенная!—отвѣчалъ онъ, любезно показывая зубы, по привычкѣ говорить о женщинахъ всегда только хорошее.

Буфетъ наполнялся; дамы хотѣли пить, кавалеры проголодались; явилось шампанское, пастеты изъ дичи. Нѣкоторыя дамы сняли по одной перчаткѣ (только по одной!) и, положивъ голую ручку на бархатъ кресла, поправляя браслеты и улыбаясь, слушали, что говорилось вокругъ. Ихъ окружали ихъ «неразлучные», знакомые, поклонники, влюбленные, цѣлый маленький дворъ.

Лидія взглянула въ зеркало уже на себя и замѣтила, что она одна. Она была блѣдна, дурна, не подходила къ общей обстановкѣ. Такъ показаться въ «свѣтѣ» она не желала.

Она шла на бой съ этими «свѣтомъ».

Она развязно, рѣшительно отвернулась отъ зеркала; за смѣлостью разстройство лица было незамѣтно.

Ее позвали въ группѣ дѣвушекъ, стоявшихъ у кустовъ цвѣтушихъ азалий. Оригиналъ маркизъ Герарди приказалъ подать дѣвицамъ шампанского.

— Дайте мнѣ,—сказала Лидія и выпила цѣлый стаканъ.—Вотъ теперь я обстрѣляна.

Она взяла подъ-руку другую дѣвушку и пошла тихонько бродить, кокетничая съ подругой, репетируя, какъ будетъ кокетничать съ мужчинами.

Синьора Капителли прошла подъ-руку съ Рамбальди, покачиваясь медленно, всѣмъ станомъ. Лидія попробовала было сдѣлать

такъ же, но это не удалось. У синьоры Кашителли было очарование особенное, она двигалась волнобразно, говорила мягко, въ ней все дышало притягивающимъ спокойствиемъ. Кто-то сказалъ о ней: «Она хуже, чѣмъ красавица».

«Какъ это она такъ дѣлаетъ?»—думала Лидія.

— Ты въ первый разъ на большомъ балѣ? — спросила по-другу Лидія.

— Да.

— Тебѣ весело?

— Очень. Будь я замужемъ, было бы еще веселѣе.

— О, да, да! Я думаю то же.

Онѣ говорили скоро, не глядя въ лицо другъ другу.

Передъ ними румяная, пышная блондинка, съ неимовѣрно открытою грудью, хохотала съ нѣсколькоими молодыми людьми.

— Эта замужемъ?

— Конечно. У нея недавно умеръ ребенокъ.

Маленький гробикъ, свѣчи, крестъ на кладбищѣ мелькнули въ воображеніи Лидіи. Между тѣмъ, платье пышной блондинки все больше сползло съ плечъ.

Дѣвушки переглянулись и покраснѣли.

V.

Въ круглой бесѣдѣ купальщики старались какъ-нибудь разогнать полдневную скучу, разговаривали, работали, читали. На прибрежномъ пескѣ играли дѣти.

Съ воды слышались смѣшанные голоса, вопросы, заглушенные всплесками, свистами, веселые крики. Бѣлые руки и мускулистые торсы появлялись и исчезали, покачиваясь на волнахъ.

Раскаленное солнце свѣтило и жгло.

— Mademoiselle Лидія еще не вернулась съ ловли?

— Нынче и креветы стали умны,—не даются.

Разговаривали въ водѣ—молодой человѣкъ, сильный, какъ Геркулесь, въ сѣромъ трико, и другой, въ полосатыхъ панталонахъ.

— Этотъ герцогъ, кажется, по уши влюбился.

— Бѣды бываютъ всякия: могъ бы ногу сломать.

— Ну, то было бы хуже.

— Почему знать!...

Геркулесь нырнулъ, отдуваясь и разметывая брызги, какъ тритонъ.

— Правда, она въ модѣ. Одѣвается премило, обо всемъ говорить развязно, курить, ёздить верхомъ, ругается... по-французски, но, все-таки, ругается,—я самъ слышалъ. И всего-то ей восемнадцать лѣть.

— Двадцать.

— Поплынемъ къ ней на встрѣчу.

— Ты тоже за ней немножко ухаживалъ?

— И во снѣ не думаль. Смѣялся, какъ всѣ.

— Все-таки, пренебрегать не слѣдуетъ...

— Ну!... Вся поддѣльная, вся изломалась... Начиная съ волосъ, у которыхъ своего цвѣта нѣть, да и волосъ-то нѣть...

— Точно ли ей двадцать? Теперь, говорять, дѣлаютъ такое притиранье, что сразу можно помолодѣть.

На встрѣчу имъ плыла лодка.

— Плыви живѣй! Они насъ къ себѣ посадятъ.

На лодкѣ завидѣли пловцовъ; въ одобреніе имъ развѣвался платокъ. Махала Лидія, стоя у кормы, выдаваясь на фонѣ неба и моря, счастливая тѣмъ, что у нея—картинки—такая великолѣпная рама. Она выпрямлялась во весь свой маленький ростъ; вѣтеръ игралъ ея юбкой, голубой съ бѣлыми обшивками. Бѣлое трико обтягивало ея руки и грудь, открытую спереди; откинутый широкій морской воротникъ былъ заколотъ крошечнымъ золотымъ крестикомъ; kleenчатая шляпа съ прямыми полями, украшенная якоремъ, была надѣта на бокъ и не скрывала роскоши волосъ, блестѣвшихъ переливами радуги.

Просторъ, свѣтъ неба, отблески моря, опьяняющій запахъ смолы и соли проникали ее, зажигали въ ея крови волненіе, между движенія, беззавѣтную жизненность. Она дрожала, она топала ножками въ пестрыхъ чулкахъ, упертыми въ край лодки; она была легка, какъ бабочка. Упоенная молодостью, она рисовалась подъ солнцемъ, предъ всею природой,—рисовалась искусно, но искренно, какъ артистъ,увѣренный въ своей роли.

Ее веселило еще одно: восторженное лицо герцога Кастель-Габбiano, почти колѣнопреклоненного предъ нею. Этотъ несчастный, болѣзненныи, истощенный человѣкъ представлялъ среди морскаго раздолья «пикантный контрастъ». Лидія не сантиментальничала, не претендовала ни на умъ, ни на чувствительность, и потому находила, что герцогъ забавенъ. Сначала она принимала поклоненія герцога просто изъ кокетства. Черезъ мѣсяцы она уже не отходилъ отъ нея. Ей было любопытно, какъ онъ

повторялъ ей все, что ужь, конечно, высыпалъ старой графинѣ Коломбо. Нѣкоторая модификаціи, которая неизбѣжно приходилась ему дѣлать въ своихъ рѣчахъ, особенно смѣшили Лидію. Онъ, напримѣръ, въ экстазѣ говорилъ о «блѣзинѣ розъ, слегка окрашенныхъ румянцемъ», а Лидія вспоминала желтую графиню.

— Одинъ поэтъ,—говорила она сквозь зубы и сдерживая смѣхъ,—сказалъ о красавицѣ: «она желта, какъ померанецъ».

Герцогъ не имѣлъ понятія о Миоссѣ и продолжалъ восторгаться.

Но понемногу къ молодому легкомыслію кокетства прибавилось иѣчто вродѣ жестокости. Лидія нравилось его страданіе. Она наслаждалась не злобно, но вѣтрено. Она уже составила себѣ дурное понятіе о «свѣтѣ». Она изъ подражанія, рисуясь, нарядилась въ скептицизмъ; нарядъ пришелся по ней, впился въ нее, слился съ нею... Всѣ такие,—надо быть такою же. Нынче безъ боли отнимаютъ руки и ноги. Дѣвушка изъ ребенка сдѣлалась зрѣлою, безъ переходныхъ испытаній. Брать отъ жизни какъ можно больше—вотъ и вся теорія...

— Гопъ! гопъ!—кричала она съ лодки отважнымъ пловцамъ.

Молодые люди вскочили въ лодку, она покачнулась; чтобы удержаться, Лидія ухватилась за одну изъ этихъ мускулистыхъ рукъ, вымочивъ перчатки, и сѣла, скрывая неудовольствіе.

Она мягко склонилась на подушки, протянула ручки къ морю и запрокинула головку, будто замирая въ упоеніи. Молодые люди насыщенно переглянулись. Геркулесъ сказалъ съ многозначительной улыбкой:

— Лодка—поэзія,—просторъ для дѣвическихъ розовыхъ мечтаний.

Слова пустыя, но улыбка и взглядъ много говорили для напряженного чувства. Лидія увидѣла, что она одинока, беззащитна въ непріятельскомъ лагерѣ: два человѣка ухаживаютъ за ней и презираютъ ее, въ то же самое время; третій клянется, будто любить, и не имѣть мужества защитить.

— О, нѣть, нѣть!—поспѣшно возразила она, смѣло подхватывая тѣ же слова, какъ боецъ подхватываетъ перчатку противника.—Нѣть, я нисколько не поэтична и нѣть у меня ни розовыхъ сновъ, ни мечтаний.

И она улыбнулась. Въ ея груди кипѣла глухая злоба, въ глазахъ разстился туманъ. Ей хотѣлось побить герцога. Всѣхъ больше бѣсилъ ее онъ своимъ блаженнымъ, идіотскимъ видомъ...

Но на розовомъ личикѣ не проглянула внутренная борьба. Лидія обмахивалась вѣромъ, подражая манерамъ синьоры Кашителли; ея глаза тонули въ неопределенной вѣгѣ, полуоткрытый ротикъ будто ждалъ поцѣлуя... Быстрымъ взглядомъ она убѣдилась, что комедія удается.

«Три дурака»,—подумала она и повеселѣла.

Она сбросила шляпку. Вѣтеръ игралъ бѣлокурыми завитка-ми на ея лбу; солнце золотило ей маковку, гдѣ волосы отлива-ли цвѣтомъ мѣди.

Сидя въ круглой бесѣдкѣ, донъ Леопольдо безпокойно слѣдилъ глазами за приближенiemъ лодки. Донна Клара, лежа въ креслѣ, время отъ времени вышивала крестикъ по канвѣ.

— Однако,—рѣшился вымолвить старый дворянинъ, уже не разъ покачавъ головой,—однако, эти морскія купанья допуска-ютъ слишкомъ много вольностей, далеко не *piuttoschicchi*.

Онъ прибавилъ невинную шутку, чтобы его словъ не сочли за проповѣдь. Но донна Клара уже разглядѣла проповѣдь на горизонтѣ и отвѣтила съ отвѣткомъ неудовольствія:

— Кажется, здѣсь нѣть ничего дурнаго.

— Положимъ, что ничего, моя милая, но, все-таки, вонь тамъ сидѣть двое молодыхъ людей, на которыхъ хоть бы халаты накинуть...

Донна Клара не дала договорить.

— Такъ ты предпочелъ бы, чтобы она допустила ихъ умереть отъ усталости послѣ такого далекаго плаванья?

— Нѣть, я предпочелъ бы только, чтобы эти господа не по-зволили себѣ принять лодку моей племянницы за спасательную лодку или за комнату для переодѣванья... Я лично предпочелъ бы, чтобы Лидія обратила свои филантропическія стремленія въ другую сторону. Довольно ее скомпрометировала бельджиатская исторія. Злыхъ языковъ много.

— Именно. И хороши бы мы были, еслибы ихъ слушали. Вѣть десять лѣтъ, какъ мужъ умеръ и ты живешь у насъ, развѣ не говорили, что ты мой любовникъ? А Господь знать, спра-ведливо ли это.

— И я знаю,—медленно произнесъ донъ Леопольдо, сознавая свою добродѣтель.

Онъ вдругъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти за то, что былъ не довольно учтивъ, и наклонился къ доннѣ Кларѣ.

— Ты знаешь, другъ мой, какъ я люблю дѣвочку...

— Не сомнѣваюсь. Но ты съ своими идеями отсталъ на полвѣка. Ты не берешь общества, каково оно есть; ты будто никогда его не зналъ. Ты что-то вродѣ старой дѣви.

Донъ Леопольдо покраснѣлъ, потупивъ голову, и, по обыкновенію, уступилъ. Невѣстка торжествовала. Въ ся мѣщанской натурѣ вѣчно кипѣло раздраженіе противъ «этихъ аристократовъ съ ихъ предразсудками».

VI.

Подъ конецъ купального сезона Лидія, модная царица, получила два предложения: одно отъ бездомнаго юноши, находившагося по уши въ долгахъ (онъ только разъ ее видѣлъ, но справился о приданомъ), другое—отъ герцога Кастель-Габбіано и совершенно искренно расхочоталась. Ее въ послѣднее время больше занималъ вопросъ, гдѣ она проведетъ послѣдніе дни августа? До сентября въ Бельджирате не прѣдуть обыкновенные гости, а Лидія ужасалась, что придется оставаться въ деревнѣ съ матерью и дядей.

Въ зеленой Піемонтской долинѣ, среди живыхъ воспоминаній стариннаго величія, былъ замокъ маркизовъ Аrimonте. Бостанца нѣсколько разъ приглашала подругу, и теперь было самое удобное время принять приглашеніе.

Надо было еще немножко остановиться въ городѣ, возобновить туалетъ. Легкія платья, морскіе костюмы, соломенные шляпки, широкіе зонтики на розовомъ подбоѣ,—все это уже не годилось. Необходимы темные шерстяные англійскіе наряды, войлокія шляпки, толстыя перчатки, альпійская палка. Покамѣстъ въ душные, скучные, нескончаемые вечера Лидія читала стихотворенія о красотахъ природы, прочла *Клитумнскій водопадъ* и подумала, что въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ влечение къ величию лѣсовъ. Она велѣла переплести книжку, оттиснуть свое имя золотомъ (рядомъ съ именемъ Кардуччи) и положила ее въ дорожный баулъ.

«Можетъ быть, — размышлялъ донъ Леопольдо въ глубинѣ своей души, — можетъ быть, для Лидіи будетъ полезно заниматься немножко побольше, нежели она занимается. У нея большія способности. Почему она не посвятить себя какой-нибудь отрасли искусства, литературы?...»

— Тебѣ бы взять съ собою кисти,—сказалъ донъ Леопольдо племянницѣ на другой день.—Мѣстоположеніе тамъ красивое; ты могла бы заняться живописью. Ты ее совсѣмъ забросила.

— На это была важная причина.

— Важная?

— Очень. Пальцы пачкаются въ краскахъ.

Донъ Леопольдо снова началъ послѣ небольшой паузы:

— Когда ты была маленькая, ты, бывало, писала такія гра-діозныя, сердечные вещицы; столько было у тебя фантазій...

Онъ не смѣлъ продолжать. Лидія взглянула на него своими огромными глазами.

— Дядя, ты хочешь меня опять помѣстить въ школу? Мечтаешь для меня обѣ учительскому диплому? Какъ же! «Подъ стра-стость кусокъ хлѣба»!... Не то?... А, такъ ты желаешь, чтобы я была писательницей, страшной, знаешь, отъ которыхъ мужчины бѣгаютъ?... Ну, дядя, погляди и скажи серьезно, достанетъ у тебя на это духу?

— Мне казалось, ты скучаешь,—робко сказалъ дядя.

Лидія остановилась, закусила губы, будто задумалась.

— Иногда, разумѣется, скучаю, но что-жѣ дѣлать? Твое лѣкарство хуже болѣзни.

— Не желаешь ли ты чего-нибудь, по крайней мѣрѣ?

— Да, желаю, чтобы жизнь была позабавнѣе.

Она упала въ качальное кресло и громко засмѣялась.

Строгій домъ, строгій порядокъ, тѣнистый, печальный паркъ,—Лидія увидѣла все это сразу, увидѣла и Костанцу, которая шла ей на встрѣчу легкимъ шагомъ, будто не касаясь земли.

Лѣтомъ вся семья Ари蒙ти патріархально жила въ дерев-нѣ,—старуха, сыновья и молодыя невѣсты.

Изысканный вкусъ и величавая простота гостины не нарушились ни одною мелочью новѣйшей странной моды. Маркиза-матерь шила бѣлье для бѣдныхъ; обѣ невѣсты, сидя за роялемъ, разыгрывали сонату Бетховена; на полу, на медвѣжей шкурѣ, игралъ бѣлокурый мальчуганъ; великолѣпный нью-фаундлендъ смотрѣлъ на него ласковыми глазами.

— Мои сыновья на охотѣ,—сказала маркиза, дѣлая легкое движеніе, будто извиняла и вмѣстѣ представляла гостьѣ отсутствующихъ.

Ея сдержанній, тихій голосъ словно растаялъ въ воздухѣ.

10*

Молодые женщины, здороваясь, тоже тихо отодвигали стулья, говорили тихо.

Все кругомъ — средневѣковые обои, черная дубовая рѣзная мебель, тяжелыя штофныя занавѣски, блѣдныя вышивки кресель, потускнѣлые зеркала въ золоченыхъ рамахъ, старинныя бронзовыя лючерны, сводчатый потолокъ,—все, воздухъ, штукатурка стѣнъ, складки драпировокъ, все, казалось, было пропитано увѣреннымъ, яснымъ величиемъ, всѣмъ прошедшими дома Арионти и внушало невольноеуваженіе.

Какъ-то инстинктивно Лидія постаралась устроить, чтобы ея браслеты не очень звенѣли, и посмотрѣла на свою пріятельницу. Костанца казалась совершенно на своемъ мѣстѣ въ этой торжественной обстановкѣ. Лидія замѣтила только, что она слегка похудѣла и глаза ея какъ будто ввалились.

— И ты здѣсь живешь пять мѣсяцевъ?

Костанца улыбнулась.

— Что ты дѣлаешь?

— Все больше сижу съ матерью, мы много читаемъ; гуляю въ паркѣ, немного вышиваю съ сестрами. Вечеромъ братья сидятъ за шахматами; мы занимаемся музыкой до десяти часовъ, а тамъ и день конченъ.

— Никуда не выходишь? — спросила Лидія, удерживая вздохъ.

— Всякое утро хожу къ бѣднымъ; дѣтскій пріютъ также отнимаетъ нѣсколько часовъ. Ты не повѣришь, какъ скоро идетъ время.

— Въ самомъ дѣлѣ, это можетъ быть, надо испытать, чтобы убѣдиться.

— А ты какъ провела эти пять мѣсяцевъ?

— По обыкновенію, разнообразно. Возила въ разныя мѣста своихъ стариковъ, покуда не нашлось довольно пріятное общество въ Ливорно. Нынѣшній годъ Арденца была въ модѣ. Тамъ встрѣтили всѣхъ: и Капителли, и Коломбо, и Кастьель-Габбіано. Изъ Рима былъ графъ Нарни. Была знаменитая Сантіери, неаполитанка съ двумя своими любовниками. Затѣмъ капитанъ Де-Арчелли, хорошенький, прелестъ... и предосадный: одинъ онъ за мнай не волочился!... Я должна и о себѣ говорить правду: я тоже завоевала себѣ мѣстечко среди звѣздъ. Всякій разъ, какъ въ газетахъ рассказывали что-нибудь новое, о спектакляхъ и прочемъ, — мое имя стоить тутъ, между самыми блестящими... Капителли провалилась... *enfoncée!*

Снисходительно слушая болтовню подруги, Костанца беспокойно взглянула на мать. Но маркиза взяла на колени бывшего мальчика и рассказывала ему сказку. Молодая девушки тихо ушли и уселись въ глубинѣ окна, откуда были видны высокія деревья парка, красные въ свѣтѣ заката. Гдѣ-то вдали звонили къ вечернѣ.

Лидія слегка зѣвнула и вздрогнула.

— Тебѣ дурно?

— Нѣтъ. Такъ, *смерть мимо прошла*, какъ говорится въ Тосканѣ. А кто, въ самомъ дѣлѣ, знаетъ, что такое надо мною прошло?

— Можетъ быть, скуча.

Лидія принужденно улыбнулась.

— Ты нашу жизнь поняла и она тебѣ не нравится; сознайся!

— Сознаюсь безъ отговорокъ.

— Дѣло все въ томъ, что надо принять въ ней участіе, сличиться съ нею...

— Я понимаю твою мать,—прервала Лидія,—понимаю твоихъ невѣстокъ, у которыхъ мужья и дѣти... Да, въ нѣкоторой степени я понимаю ихъ, хотя и не завидую имъ... Но ты... что ты дѣлаешь?

По лицу Костанцы пробѣжало тѣнь.

— Много есть благородныхъ чувствъ, великодушныхъ, дорогихъ привязанностей...

— Я знаю твои благородныя чувства, все знаю, преклоняюсь, но раздѣлять ихъ не могу.

Костанца, смущенная, потупила глаза. Лидія живо заговорила:

— У тебя такая натура; нечего и спорить. Но я... къ чему я могу привязаться? Ты вѣришь и можешь быть счастлива. Я... вижу. *Видѣть*, увѣряю тебя, высшее несчастіе!

— Надо смотрѣть вверхъ.

— Чѣмъ тамъ наверху? Религія? Но ее надо чувствовать. Благочестивою надо родиться...

Мальчикъ заснуль на колѣняхъ у бабушки, преклоняясь головкой къ кожаной спинѣ стариннаго кресла.

— Ахъ, какъ хороши!—вскричала Лидія.

Маркиза приложила палецъ къ губамъ и сдѣлала девушки знакъ уйти въ паркъ, чтобы не будить ребенка.

— У тебя женская жилка,—тихо сказала Костанца,—тебя трогаетъ видъ ребенка.

— Нѣть, это не то, что ты воображаешь. Меня это трогаетъ, какъ художественная вещь: красиво. Будь у этого мальчика какая-нибудь сыпь... ужасъ! я бы убѣжала.

Ея голосъ рѣзко звучалъ на порогѣ старого дома, поднимавшагося высоко,—казалось, выше всѣхъ людскихъ мелочей. Лидія сама почувствовала себя неловко и поспѣшила оправдаться.

— Не хочу представляться хуже, чѣмъ я есть, но сердце у меня не расположено къ чувствительности. Слишкомъ рано постигла я закулисныя свѣтскія таинства. Съ каждымъ днемъ я все больше убѣждаюсь, что мы искрены только въ минуту наслажденія; все остальное—ложь... болѣе или менѣе возвышенная, болѣе или менѣе честная, но, все-таки, ложь. Не говори о себѣ: ты—исключеніе... по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что тебя ложь охватываетъ разомъ, слѣдовательно, въ тебѣ нѣть притворства.

— Какъ же это?

— Да такъ. Ты живешь химерами прошлаго; ты вѣришь, что великое имя хранить отъ всякой слабости... А у меня (мой дѣдушка по матери торговалъ мѣхами) кровь мяteжная.

Костанца терпѣливо шла за нею по аллѣ, сожалѣя и, вмѣстѣ, слегка презирая свою подругу. Помолчавъ, она, наконецъ, вразила:

— Люди портятъ все, до чего коснутся. Они отрицаютъ любовь, вѣру, смѣются надъ любовью и самоотверженіемъ... Боже мой! да неужели же и мы должны отрицать все это?

Она остановилась, блѣдная, измученная, и отчаянно заломила руки.

— Вѣтъ до чего довела тебя твоя чувствительность!—вскричала Лидія.—Ты страдаешь... отъ какой болѣзни? Ты безумиѣ меня! Ты страдаешь отъ того, что не находишь счастья въ своемъ великомъ идеалѣ! Чего тебѣ недостаетъ? Говори!

Она схватила ее за руки и чувствовала, что сама начинаетъ горячиться.

Все время за обѣдомъ Лидія смеялась, шутила, обращаясь больше къ мужчинамъ, почти дерзко-развязно, но къ вечеру впала въ страшную меланхолію. Она заперлась въ своей комнатѣ; въ окнѣ, на блѣдномъ фонѣ ночи, чернѣли, словно великаны, деревья парка, слышались несносные звуки рояля. Лидія думала, что здѣсь нѣть общества, нѣть возможности провести день иначе.

Наконецъ, она легла; старая деревянная кровать скрипѣла при каждомъ ея движеніи... Лидія не могла уснуть.

Утромъ она побѣжала къ Костанцѣ, бросилась ей на шею, клялась, что любить ее, обожаеть, но чтобы она сейчасъ же приказала заложить карету и везти ее на станцію.

— Боже, чтò за жизнь! — шептала она, усаживаясь въ уголъ первокласснаго вагона.

VII.

Лидія и адвокатъ Бальми курили сигаретки на террасѣ предъ очаровательнымъ заливомъ.

Старшіе пока дремали въ гостиницѣ отеля.

Они встрѣтились на какомъ-то увеселеніи въ этомъ прелестномъ городѣ въ прелестномъ апрѣль мѣсяцѣ и жили, почти не разставаясь, какъ старые друзья.

- Скажите правду, Бальми, что вы обо мнѣ думали?
- Думаль или думаю?
- Въ прошедшемъ времени.
- Дурно.
- А теперь?
- Еще хуже.

Лидія ждала не такого отвѣта. Она выпустила длинную струйку дыма и сказала, по виду спокойно:

— Замѣтно, что вы не захватили съ собой на дорогу любезности.

— Натурально, — отвѣтилъ онъ, смѣясь, — слишкомъ громоздко.

Оба немного помолчали. Лидія, стоя, казалась выше ростомъ отъ длиннаго бѣлого плюшеваго пальто, опущеннаго лебяжимъ пухомъ. Она оперлась локтемъ на балюстраду террасы, головой на руку, а другою рукой подносила къ губамъ сигаретку. Лунный лучъ падалъ на свѣтлую прядь ея волосъ и она блестѣла золотомъ. Ночь была упоительно тиха; воздухъ будто струился и шепталъ слова любви.

— Я знаю, что обо мнѣ говорять дурно... — начала Лидія.

Ея голосъ былъ странно печаленъ; она ждала возраженія, но возраженія не явилось.

— Говорятъ, я вѣтрена, тщеславна, эксцентрична, кокетка... не знаю что еще.

— Конечно, все это клевета.

- Нѣтъ, не клевета! — вскричала она порывисто.
- Стало быть?...
- Стало быть...

Она увидѣла, что запуталась, и напрасно ждала помощи. Адвокатъ смотрѣлъ ясными, холодными глазами, учтиво отвертываясь всякий разъ, какъ выпускалъ дымокъ своей сигаретки.

- Я думала, вы меня понимаете! — вдругъ вскричала она.

— Обыкновенное заблужденіе и, вмѣстѣ, обыкновенная политика женщинъ — изображать изъ себя неразрѣшимию загадку.

— А, я забыла, что для васъ все женщины одинаковы! — горько возразила Лидія.

— Съ извѣстной точки зрѣнія — да. Но я дѣлаю и различія: бываютъ обманутыя и обманщицы.

— О-о! — вскричала Лидія, захочивъ и бросая сигаретку, — адвокатъ открылъ огонь! Я увѣрена, что вы предпочитаете обманутыхъ.

— Предпочитаю, — отвѣчалъ Кальми, не смущаясь, — предпочитаю женщинъ простыхъ.

- А, такъ, по-вашему, я женщина сложная?

- Еще хуже: вы хотите казаться сложной.

- Стало быть, я и сложна не въ самомъ дѣлѣ?

Кальми бросилъ сигаретку и сказалъ серьезно:

— Посмотрите, чѣмъ за небо. Когда я былъ ребенкомъ, меня увѣрили, что за этимъ синимъ сводомъ — рай, и что звѣзды — глаза ангеловъ. Я вѣрилъ. Я былъ истинно несчастенъ въ тотъ день, какъ узналъ, что вся эта лазурь — пустота, а это золото — раскаленная матерія. Совсѣмъ напрасная печаль: не лучше ли было бы сразу говорить мнѣ правду?

— И, обманувшись въ небесахъ, вы уже больше ничему не вѣрите на землѣ?

- Вѣрю математикѣ, — отвѣчалъ онъ, опять закуривая.

Лидія была непокойна, задѣта за живое. Кальми казался ей умнѣе другихъ. Онъ ей не нравился, но ей хотѣлось нравиться ему, а, между тѣмъ, все ея кокетство разлеталось понапрасну.

И, какъ нарочно, въ этотъ вечеръ она была одѣта «къ лицу»: бѣлое платье мягко лежало вокругъ ея шеи; лебяжій пухъ служилъ точно рамкой для прелестной головки.

Лидія подошла къ балюстрадѣ, будто глядя на луну; она была зла на Кальми; ей хотѣлось приручить его, какъ ягненка; побѣда надъ нимъ была заманчива. Она нисколько не была

сантиментальна, но въ эту весеннюю ночь она чувствовала сильнѣе всего свою молодость, свою привлекательность. Объясненіе въ любви, казалось ей, было обязано сейчасъ наступить.

Безъ всякаго сомнѣнія, она бы его отвергла; но любопытно, какъ въ этомъ случаѣ поступаютъ мужчины?... Какъ это онъ не подумаетъ поцѣловать ей руку? А она нарочно положила ее на балюстрадѣ.

Она пожала плечами, кокетливо откинулась назадъ и сильно вздохнула всею грудью.

— Хорошо!

— Воздухъ хорошъ?

— Да, воздухъ; дыханіе цвѣтовъ и моря... поцѣлуи и раны, ласки и удары...

— Которые вы предпочитаете ласкамъ?

— Кто вамъ сказалъ?

— Я предполагаю.

— Ошибаетесь. Меня никто не понимаетъ.

Она стояла передъ нимъ, поднявъ голову, съ ярко искрящимися глазами.

Кальми сдѣлалъ шагъ впередъ, взялъ ее за обѣ руки и притянулъ къ себѣ; его глаза вспыхнули.

Лидія испытала минуту невыразимой радости, острой, глубокой, потрясающей; она слабо отклонялась, улыбаясь, нѣжась своимъ торжествомъ, потомъ вдругъ отшатнулась, покачала головой... во взглядѣ ея еще дрогорада улыбка.

— Ошибаетесь, ошибаетесь!

«Гадкая кокетка!»—подумалъ Кальми и стала холоденъ по-прежнему.

Лидія перегнулась черезъ балюстраду, смотрѣла на луну и повторяла:

— Ничего, ничего... все ничего!

Остальную часть ночи она провела на колѣняхъ передъ диваномъ въ гостиной отеля: доинъ Кларѣ вдругъ сдѣлалось дурно.

Лидія никогда не видала больныхъ и сама не бывала серьезно больна; она и мыслю не могла остановиться на страданіи и не знала даже названія самыхъ обыкновенныхъ болѣзней. Она совершенно растерялась, безпрестанно окликала мать, металась по комнатѣ изъ угла въ уголъ и осыпала дядю и Кальми беспорядочными вопросами.

— Вотъ придетъ докторъ, тогда узнаемъ,— успокаивъ донъ Леопольдо.

Онъ весь дрожаъ, искренно огорченный и еще болѣе перекошенный. Адвокатъ сохранялъ приличное достоинство порядочно воспитанаго человѣка, свидѣтеля чужой горести.

— Если бы перенести ее на постель...

— Лучше дождаться доктора.

Хозяйка отеля, женщина практическая, принесла горчичники, увѣряя, что если они не помогутъ, то, по крайней мѣрѣ, не повредятъ.

Лидія глядѣла на эти хлопоты какъ будто сквозь сонъ, въполномъ убѣжденіи, что это просто обморокъ.

— Не потерять ли ей виски одеколономъ?

Кальми пожалъ плечами.

Пришелъ докторъ; подробного осмотра не понадобилось. Очень опасный случай: апоплексический ударъ.

Лидія не хотѣла оставить мать, хотя докторъ и совѣтовалъ ей это. Впрочемъ, она была довольно тверда, не плакала, смотрѣла на больную, на всѣхъ и на все большими горящими глазами, въ которыхъ виднѣлось больше удивленія, нежели горя.

— Я приду черезъ нѣсколько часовъ,—сказалъ, прощаюсь, Кальми.

Было три часа утра. Лидія отчаянно схватила его за руки.

— Не правда ли, это пройдетъ, это ничего? Она будетъ здорова?

Онъ посмотрѣлъ на нее и отнялъ руки.

— Будемъ надѣяться.

Донъ Леопольдо, казалось, окаменѣлъ въ широкомъ креслѣ у ногъ больной. Лидія беспокойно мѣняла мѣста, хватаясь то за грудь, то за голову.

Докторъ прописалъ лѣкарство и, выжидая дѣйствія, переговаривался съ дономъ Леопольдо. На зарѣ донъ Кларѣ не стало лучше, но докторъ твердилъ:

— Не будемъ терять надежды.

— Дядя, дядя, ты какъ думаешь?— прошептала Лидія, бросаясь на шею старику.

Совершенно ошеломленный, онъ нашелъ еще мужество отвѣтить дрожащими губами, улыбаясь, какъ въ прошлые счастливые дни:

— Выздоровѣть.

Какъ всегда, правду отъ «дѣвочки» скрывали.

Въ семь часовъ донна Клара выказала признаки жизни, открыла глаза, взглянула на дочь. Лидія, охваченная надеждой, бросилась на колѣни, хотѣла было обнять донну Клару, но въ ужасѣ отступила назадъ.

— Мама, мама! — вскричала она и упала на трупъ матери.

VIII.

Несчастіе пришло нежданно; дѣвушка была поражена, почти негодовала на него, какъ на несправедливость. Она видала чужія слезы, но никогда ей не приходила на мысль даже возможность когда-нибудь плакать самой.

Наряжаться, веселиться — къ этому занятію она привыкла съ дѣтства; ни оглядываться, ни размышлять было некогда.

Ничто не могло ее утѣшить, ничто не обуздывало порывовъ ея отчаянія. Лидія отдавалась отчаянію съ наслажденiemъ еще неизвѣданного ощущенія: скорбь — плодъ горькій, но, все-таки, новинка.

Безпрестанно и всѣмъ она говорила о матери, возбуждалась собственными словами. У нея являлись драматическіе жесты, оттѣнки голоса, которые ее удивляли и восхищали; она еще не знала у себя такихъ страстныхъ нотъ; открытие было любопытное.

Ея горесть была истинна и искрѣнна, но эта маленькая *сценичность*, хотя тоже истинная и искрення, связанная съ ея характеромъ, возмущала постороннихъ. Лидіи не прощали глубокаго траура ея гостиной, чернаго флерна на люстрахъ, цвѣтовъ передъ портретомъ матери. Не прощали, что всякий день, въ пять-шесть часовъ, она отправлялась на кладбище въ закрытой каретѣ, обитой чернымъ; лошади черныя, кучерь въ черномъ; она сама съ головы до ногъ закутана въ черное погребальное покрывало, сквозь которое едва просвѣчиваетъ металлическій блескъ ея волосъ. Ей не прощали, что ея искрення слезы льются на вышитые кружевные платки, прошитанные *Parfum d'Ixora*.

А Лидія оставалась все такою же. Она плакала такъ же, какъ прежде смѣялась, — насильно, на-показъ, разсчитывая на эффектъ, но ей этого не прощали. Мужчины не щадили ея доброго имени. Кальми, помяя сцену на балконѣ, ужъ, конечно, не защищалъ осиротѣвшую дѣвушку. Въ кружкахъ женщинъ были деликатные намеки, — уколы отравленными булавками... Кто-то

сказалъ, будто видѣлъ ея ночные рубашки: онѣ вышиты чернымъ, съ черными бантиками. Другой, чтобы не отстать, увѣрялъ, что она носить черные бархатныя подвязки и, вмѣсто пряжки, на нихъ серебряныя мертвыя головы. Но настоящаго было мало: припоминали старыя исторіи, рассказывали, что Лидія каталась въ лодкѣ нагою съ молодыми людьми, и послѣ этой сплетни ей хотели почти въ лицо, когда она возвращалась съ кладбища, закутанная въ черное покрывало.

Не покинули ее два друга: Ева и Костанца. Костанца писала ей длинныя сочувственныя письма. Ева, отказываясь отъ общества, которое признавало ее царицей, всѣ вечера проводила съ Лидіей.

То были чудесные вечера. Баронетъ Сеймуръ, красавецъ, статный старикъ, сидѣлъ въ сторонѣ съ дономъ Леопольдо, но донъ Леопольдо, разбитый, робкій, будто весь прятался, исчезая передъ величавымъ спокойствиемъ прекрасной головы гостя, осѣненной вѣнцомъ пышныхъ сѣдыхъ волосъ.

Дѣвушки разговаривали между собой, плакали, вспоминая, какъ добра была донна Клара; потомъ рѣчь переходила и на другое, а понемногу и на свѣтское; случалось толковать и о нарядахъ... Ихъ первая молодость прошла; онѣ стали женственнѣе, серьезнѣе, на нихъ легло облако печали, будто слѣдъ полета времени; въ ихъ рѣчахъ безсознательно являлась горечь.

Лидія больше чѣмъ когда-нибудь выказывала себя «свободно мыслящею», *esprit fort*. Она повторяла, что не пойдетъ замужъ, что не понимаетъ любви, что вовѣки не полюбитъ. Въ прошлые годы ея цѣль была—веселье; теперь у нея другой идеалъ: страдать и всю жизнь оплакивать дорогую потерю... Она была увѣрена, что плачетъ о матери. Вокругъ себя она видѣла страшную пустоту. Ее ничто не занимало. Мужчины, которые ухаживали, бывало, за нею,—всѣ порочны или глупы. Раздражаясь, она передавала въ мельчайшихъ подробностяхъ объясненія въ любви, разговоры, остроумничанье,—истинные, живо-трепещущіе «человѣческие документы». Она высказывалась ѳдко, безпощадно, съ развязнымъ скептицизмомъ, похожимъ съ вида на самое беззаботное легкомысліе.

Ева о себѣ ничего не рассказывала. Въ глубинѣ ея черныхъ глазъ, въ лучахъ взгляда, скрытаго тѣнью рѣсницъ, казалось, хранилась тайна; если этой тайнѣ измѣняла внезапная блѣдность, если невольный вздохъ выдавалъ ея волненіе, Ева призывала на

помощь лучезарную улыбку, которая привлекала внимание и прерывала наблюдения постороннихъ.

— Очень натурально, что я не выйду замужъ, — говорила Лидія.— Я фантастична, самовластна и смѣюсь надъ взыхательями. Но ты — красавица, добрая, достойная — не должна отказываться составить счастье человѣка. Это будетъ грѣхъ.

Ева ничего не отвѣчала.

Лидія подумала о Mario Авелла. Этотъ молодой ученый рѣдко показывался въ обществѣ, но бывалъ вездѣ, гдѣ могъ встрѣтить Еву: въ театрѣ, въ концертѣ; какъ только показывалась очаровательница, въ толпѣ являлся Авелла. Но прошло около двухъ лѣтъ, а онъ все молчалъ.

Но разъ, наконецъ, особенная награда и отличие министерства сдѣлали Авелла знаменитымъ на цѣлые сутки. Весь городъ заговорилъ о молодомъ сицилійцѣ. Лидія показалось, будто ея друга вспыхнула отъ радости, и, въ надеждѣ открыть ея тайну, она вдругъ сказала:

— Я слышала, правительство предлагаетъ Авелла важное порученіе за границей. Онъ приметъ, не правда ли?

Ева рассматривала вышиванье и сказала спокойно, не обращаясь:

— Не знаю. Хорошо сдѣлаетъ, если приметъ. Слава — обольстительная сирена.

— Обольстительнѣе, чѣмъ женщина? — спросила Лидія, просыпая задорное лицо между вышиваньемъ и лицомъ подруги.

— Можетъ быть, — отвѣтила, смѣясь, миссъ Сеймуръ.

Съ этого дня Лидія перестала думать, что Авелла занятъ Евой, тѣмъ болѣе потому, что молодой человѣкъ вдругъ исчезъ. Друзья его говорили, что онъ уѣхалъ въ Сицилію по своимъ семейнымъ дѣламъ. Ева, между тѣмъ, отказалась нѣсколькоимъ богатымъ женихамъ и все рѣже являлась въ обществѣ. Въ началѣ зимы ея здоровье разстроилось. Отецъ, который жилъ только ею, сейчасъ же увезъ ее на берегъ моря, въ Санть-Ремо.

Лидія осталась одинокой.

Ея положеніе въ свѣтѣ было довольно странно. Своимъ умомъ она постигла всю безнравственность свѣта и хотя никому никогда не дала ни одного поцѣлую, но знала, что на ея счетъ ходятъ сотни грязныхъ сплетенъ. Она чувствовала, что кругомъ нея все колеблется, что земля уходить изъ-подъ ногъ, и поступала,

какъ люди, которые, чтобы не сознаться, что пьяны, пьютъ еще больше. Она уже не могла жить безъ какого-нибудь возбужденія.

Она искала радости въ свѣтскомъ успѣхѣ, въ искусствѣ, въ чтеніи книгъ послѣдней натуралистической школы, — во всемъ, что фантазирующая чувственность можетъ представить женщинѣ, избалованной богатствомъ. Она довела до недосыпаемой высоты культь самой себѣ, красотѣ и нарядамъ, пресытилась поклоненіями и уже не знала, чего просить ни у себя самой, ни у другихъ.

Смерть матери заняла ее надолго, но однажды она съ ужасомъ замѣтила, что у нея нѣть уже и слезъ.

«Кончено,—подумала она,—я и страдать не умѣю».

Ее охватило томленіе хуже того, которое она испытала при смерти матери. Теперь уже умерла она сама, Лидія... Что дѣлать? Къ чему привязаться? Въ чемъ, въ комъ еще искать возбужденія?

Столько лѣтъ она глядѣлась въ зеркало, принимала и отдавала визиты, бывала въ театрахъ и на гуляньяхъ, смотрѣла, какъ мимо нея тянулись вереницей чудеса искусства и промышленности, пріучала къ нѣгѣ свое тѣло и воображеніе, остроумничала, кокетничала, слушала ложь и лгала!... Устала!... Нѣть ли чего еще? Ничего нѣть!

Бостанца писала ей длинныя письма; онъ дышали ясностью души, достигшей своего призванія. Бостанца тоже устала, поняла обманы свѣта, который считалъ ее прекрасною, доброю, достойною, а любви дать ей не умѣлъ. Бостанца отвѣтала въ одиночество, призывая человѣка по-сердцу, но на призывъ никто не явился... Бостанца-Джеронима поступила по примѣру своего идеала, давно умершой Бостанцы-Джеронимы: та принесла себя въ жертву мілому человѣку, эта—своей высокой идеѣ. Времена перемѣнились: міру нужны не монахини. Бостанца не постриглась, но отдалась любви къ ближнему, заботамъ о близкихъ.

Это самоотреченіе молодой дѣвушки, этотъ гордый разрывъ съ обществомъ произвели глубокое впечатлѣніе на Лидію. Она была настолько смыслена, что понимала величие гордости, преобразившейся въ добродѣтель.

Она захотѣла подражать этому: лихорадочно принялась отыскивать бѣдныхъ, записалась въ разныя общества, захотѣла быть патронессой.

Въ простомъ черномъ платьѣ, гладко причесанная, въ со-

провожденіи старого лакея, она предприняла странствованія въ госпитали, въ убѣжища для стариковъ, въ ясли для новорожденныхъ, въ дѣтскіе пріюты. Она увидѣла новый міръ: настоящія болѣзни, настоящую бѣдность, настоящія слезы; услышала плачъ истощенныхъ дѣтей, чахоточный кашель дѣвушекъ, жалобы дряхлыхъ, хрипѣніе умирающихъ...

Она занемогла и пролежала дней шесть въ постели, страдая отъ всѣхъ болѣзней, которыхъ видѣла; ей снились больничные покой, темныя стѣны, кровати рядами и огромное деревянное распятіе—образъ вѣчной скорби надъ этою ежедневною скорбью.

Выздоровѣвъ, она пожелала узнать печали другаго рода. Бодро и смѣло поднялась она на лѣстницы къ бѣднякамъ, въ жилища тружениковъ и увидала женщинъ, постарѣвшихъ преждевременно отъ лишений и труда, мужчинъ отупѣлыхъ, дѣтей заброшенныхъ, проеклятыхъ. Любовь, дѣтство, семья, — все, что видѣлось ей сквозь свѣтлый туманъ богатства, что казалось ей источникомъ радости, — все было только новымъ поводомъ для горя. Вместо поцѣлуевъ и ласки,—этихъ нѣжныхъ цвѣтковъ,—ругательства, упреки, богохульства, пустые очаги, грязныя постели... Ужасъ и отвращеніе!... Она заговоривала съ женщинами,—ее не понимали. Мужчины смотрѣли подозрительно или равнодушно... Что можно сдѣлать для такихъ?

Лидія стала еще больше одинока; у нея въ душѣ охолодѣло, пропало мужество. Въ двѣ недѣли она истратила тысячу міръ, не залечивъ ни одной раны, не принеся никому счастья и, главное, не испытавъ минуты удовольствія.

Она отказалась отъ посѣщенія бѣдныхъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Л И Д И Я *).

Романъ

Н е з р и.

Переводъ В. Крестовскаго (псевдонимъ).

IX.

Черезъ два года послѣ смерти матери Лидія снова показалась обществу въ театрѣ. Она явилась нежданно; нарядъ, движенія, увѣренность,—совсѣмъ какъ у замужней женщины. Съ нею былъ донъ Леопольдо, въ качествѣ уже не ментора, а кавалера.

Она сѣла впереди и тотчасъ навела бинокль на дальнія ложи. На ней было черное бархатное платье, открытое до невозможности; въ волосахъ—два огромные брилліанта, будто росинки въ глубинѣ двухъ черныхъ розъ; вмѣсто вѣра — прихотливо связанный пучокъ черныхъ перьевъ. На нее всѣ огляднулись.

Лидія безстрашно выдержала перекрестные взгляды, поднявъ голову и выставляя грудь, увѣренная въ красотѣ своихъ рукъ и шеи.

Даже тѣ, кто давно зналъ ее, нашли, что она похорошѣла; но прошла минута, въ которую Лидія показалась новинкой, и всѣ припомнили, что ей, должно быть, уже лѣтъ двадцать шесть, двадцать восемь.

Но Лидія была богата, неглуна, держалась свободно,—слѣдовательно, и съ нею можно было держаться свободно, а въ празднѣхъ людяхъ недостатка не было. Опять начались рысканье по свѣту, по баламъ, комплименты, ухаживанья; старые обожатели пошли по старой дорожкѣ, новые, изъ любопытства, пробовали счастье. Такъ прошелъ годъ. Лидія начинала чувствовать усталость.

*.) *Русская Мысль*, кн. I.

Ей случалось зѣвать, когда камеристка докладывала, что готово одѣваться; она раздѣвалась нехотя, одѣвалась равнодушно. Случалось, вечерами, когда никто не приходилъ, Лидія засыпала въ креслѣ у камина, напротивъ слящаго дади. За компанію съ ними, на коврѣ почивала книжка *Revue des Deux Mondes*.

Былъ бурный мартовскій вечеръ. Дождь заливалъ городъ, бура выла и ломала деревья. Донъ Леопольдо стоялъ и смотрѣлъ на небо. Носки золоченыхъ туфель, мелькая передъ нимъ то вверхъ, то внизъ, означали присутствіе Лидіи на качалкѣ.

Полчаса никто не сказалъ ни слова; такъ бывало часто: говорить имъ было нечего. Лидія знала все, что могъ сказать старикъ, и все это было такое старое, что она не трудилась отвѣтить; но сегодня онъ оставилъ даже покушенія на бесѣду. Онъ понялъ, что онъ существо ненужное, тѣнь, — подобіе чего-то, и покорялся кротко, благодушно, съ безмолвнымъ достоинствомъ аристократа.

Оба они смертельно скучали.

Вдругъ въ комнату вошла миссъ Сеймуръ и, не говоря ни слова, съ рыданіемъ упала въ объятія Лидіи. Съ ней случилось большое несчастіе: торговый домъ, въ которомъ баронетъ Сеймуръ помѣстилъ свои капиталы, обанкротился; отецъ и дочь лишились почти всего состоянія.

Прежде Лидія не поняла бы величины такого несчастія, но теперь понимала. Ей представилась Ева въ дохмотяхъ, на темномъ чердачѣ,—Ева, у которой «ничего нѣть». И Лидіи стало какъ-то страшно. Доброе чувство сейчасъ потянуло ее на помощь; она предложила свой домъ, деньги, все что можетъ,—предложила искренно, не рисуясь. Донъ Леопольдо былъ тронутъ, Ева опять заплакала отъ умиленія; Лидія сейчасъ бы все отдала: имѣнія, брилліанты, чтобы возвратить подругѣ все, что отняла у нее судьба. Высокая потребность жертвы, выражавшаяся въ попыткахъ благотворительности, возродилась вдругъ, еще усиленная чувствомъ дружбы; Лидіи казалось, что ея сердце раскрывается, расширяется передъ волной нового наслажденія. Она цѣловала, утѣшала Еву, смѣялась; ея лицо свѣтилось ласкающимъ свѣтомъ; она будто переродилась.

Но восторги должны были затихнуть передъ холоднымъ разсудкомъ. Ева, растроганная и серьезная, доказала ей невозможность принять такую жертву. Ея гордый отецъ не позволить;

онъ и не смущалась, узнавъ о несчастіи... Но она, Ева, страдала только за отца; она знала, что для него—въ ней вся сила, вся надежда. Она будетъ работать; но надолго ли у нея станетъ силы работать?

Мысль, что Ева будетъ работать, снова привела Лидію въ содроганіе. Ева съ трудомъ освободилась отъ выраженій ея нѣжности и ушла, унося съ собою отрадное чувство.

На другой день и въ слѣдующіе Лидія жила одною Евой; отправляясь къ ней, она брала съ собой деньги, ожидая, что увидитъ ее въ страшной нищетѣ, и удивлялась, встрѣчая невозмутимое достоинство сэра Эдварда и кроткую покорность Евы, попрежнему, ясной. Лидія приходила въ восторгъ отъ такого мужества и все больше тосковала, чувствуя свое безсиліе.

«Какъ я несчастна!—думала она.—Даже деньгами помогать не могу!»

Вокругъ нея все больше пустѣло: вотъ и богатство ни къ чему!... О, во сколько разъ счастливѣе Ева!

Ева составила планъ. У нихъ оставалось маленько родовое помѣстіе; отецъ поселится тамъ, далеко отъ общества; она уже написала въ Англію, прося, чтобы поискали ей мѣсто гувернантки. Но на все это было нужно время, а покуда «свѣтъ» продолжалъ видѣть могучаго старика съ высоко поднятою головой и его златокудрую дочь, которую продолжалъ находить, попрежнему, прелестною.

Вдругъ въ этомъ «высшемъ свѣтѣ» пробѣжала новость: Марио Авелла прилетѣлъ изъ глухи, изъ Сициліи, и посватался за миссъ Еву Сеймуръ. За два года, проведенные вдали отъ элегантнаго общества, молодой ученый составилъ себѣ обезпеченнное положеніе и могъ просить руки миссъ Сеймуръ, не навлекая на себя подозрѣній въ разсчетѣ.

Эта благородная любовь заставила Еву и Лидію пролить много слезъ, понятныхъ женщинамъ. Ева плакала радостно. Слезы Лидіи были странныя, горькія, жгучія. Она всхакивала ночью и рыдала; ей снилось, что у нея отняли что-то дорогое, что ее ограбили, бросили на улицѣ... Мысль о Марио Авелла колола ее въ сердце.

— Слушай, Ева,—горько сказала она,—ты со мною скрытничала, никогда не говорила, что любишь его.

— Видно, что ты никогда не любила,—тихо вразила Ева.

Лидія вспыхнула, будто ее ударили, и замилась слезами, придавъ къ ней на плечо.

— Ты говоришь: я не любила. А кто виноватъ? Гдѣ любовь? Я не видала ее! Вотъ теперь маркизъ Струтти хочетъ женить на мнѣ своего сынка... Молодой человѣкъ увлекся какою-то танцовщицей, такъ родители желаютъ, чтобы онъ остыпился... хотя бы только для вида... И повсюду одинъ разсчетъ, лицемърье, грязь... О, правда, что для того, чтобы не видать горя, надо быть животнымъ или стать выше человѣка! Я не животное, и вотъ въ томъ-то все мое несчастіе.

Ева хотѣла возражать, но Лидія зажала ей ротъ.

— Молчи, молчи! Ты скажешь о себѣ? Да, вѣдь, ты одна въ своемъ родѣ.

И вдругъ, съ тѣмъ порывомъ, за которые она заслужила название полуумной, Лидія бросилась на шею своего дяди.

— Вотъ мой муженекъ, покорный мой муженекъ: не спорить, слушается и вѣренъ!... Такъ ли, донъ Леопольдо? Вѣдь, вы вѣрны вашей неисправимой Лидіи?

Она звонко расцѣловала его въ обѣ щеки.

X.

Свадьба Евы и Mario Авелла прошла скромно, безъ огласки; они не хотѣли выставляться на-показъ и собирались на медовый мѣсяцъ уѣхать въ Сицилію.

Ева пришла проститься къ Лидіи; на этотъ разъ она сияла своей дѣвичій нарядъ, простой, по английскому обычая; ея темно-золотистое платье мягко гармонировало съ тиціановскимъ золотомъ ея волосъ; она сияла счастьемъ, красотою, прелестью... Много онѣ обнимались на прощанье. Ева показала письмо Бостанцы,—благословенія новобрачной отъ подруги-отшельницы.

— Теперь я совсѣмъ одна!

Лидія старалась улыбаться и щипала себѣ руки, чувствуя, что кровь въ ней холодѣеть. Наконецъ, у нея вырвался крикъ боли и бѣшенства и стало вдругъ будто легче.

И она начала новый періодъ жизни.

Было лѣто, театры закрыты, праздниковъ нѣть. Въ маленькихъ собраніяхъ Лидія скучала, встрѣчая все непріязненныхъ людей, которые злобно перетолковывали всякое ея слово, всякое

ся живое движение,—тъмъ болѣе злобно, что она, казалось, сама вызывала общество своими эксцентричными дѣйствіями.

Пріятельницъ у нея не было. Въ качествѣ друзей у нея бывали Кальми, Лонте, два-три офицера, изъ крупныхъ, одинъ небогатый депутатъ, которому очень нравилось ея богатство. Но ее не занималъ никто. Она принимала гостей, лежа въ качалкѣ, съ сигареткой въ зубахъ, и, нисколько не заблуждаясь, отлично знала слабыя стороны этихъ господъ. Они говорили обо всемъ, не стѣсняясь: Лидія «претендовала на свободомысліе» и ничего такъ не боялась, какъ прослыть наивною.

Чего бы ни стоило, по не быть смѣшной! Лидія бросилась въ крайность, старалась казаться холодной, безсердечной, все осмысливала, иронизировала. Она разспрашивала мужчинъ о случившихся скандалахъ, о шумныхъ процессахъ, о житьѣ куртизанокъ,—совсѣмъ какъ опытная, все знающая женщина. Мужчины, конечно, дѣлались смѣлье. Лидіи приходилось пускать въ ходъ всю свою изворотливость, по это, по крайней мѣрѣ, расшевеливало ее среди апатіи.

Она выѣзжала одна, чаще въ каретѣ; иногда рано утромъ выходила тоже одна, съ огромною датскою собакой, отъ которой разбѣгались прохожіе. Нѣсколько времени эта красивая собака была страстью Лидіи. Лидія увѣряла своихъ пріятелей, что она все понимаетъ, а не говорить только для того, чтобы не быть похожей на людей. Для своихъ рannихъ прогулокъ Лидія придумала даже особый, оригинальный, полумужской костюмъ.

Донъ Леопольдо не прекословилъ ей ни въ чемъ; Лидія крѣнко захватила власть, и если не приказывала, то—хуже—цѣловала. Старый аристократъ съ годами одурѣлъ, и хотя улыбался, механически показывая вставные зубы, но для себя молилъ только одного, чтобъ ему оставили его *Revue des Deux Mondes*.

Этимъ лѣтомъ Лидія не хотѣлаѣхать ни на какія купанья; море, горы, табль-д'оты ей надоѣли. Жаркое время она провела въ Бельджирате, лежа въ гамакѣ подъ тѣпью своего сада. Въ эти мѣсяцы она перечитала всѣ романы Флобера, Дроза, Додэ, новѣйшія—Бурже и Мопассана, прочла и Толстаго, потому что онъ въ модѣ, и Зола, который, говорять, скабрезенъ, но ей, напротивъ, показался скученъ. Ей прислали и итальянскіе романы; она ихъ и не разрѣзала. Выписала стихотворенія Коще,—еще разочарование. Ей понравилось только *Angelus*; ребенокъ тамъ ростетъ между стариками и умираетъ потому, что не можетъ проявить свою горячую молодость. Ее это очень тронуло.

Несколько дней у нея не выходило это изъ головы. Точно будто *Angelus* разбилъ надъ нею каменный сводъ и открылъ безконечность небесъ, гдѣ странствовать поэту. Въ ея воображении пробѣгало пламя; она, вздрагивая, спрашивала себя, не найдется ли и ей утѣшения; ей хотѣлось выразить свои чувства, пожить умственною жизнью, но у нея отпадали руки: видѣть не значить передавать, ощутить самой—не то, что убѣдить другихъ.

Подъ впечатлѣніемъ высокаго созданія, ея сердце билось и страдало, какъ будто и она сама была художница; но для искусства мало страданій и бѣнія сердца: страдая и любя, художникъ еще долженъ творить.

Лидія походила на ребенка, котораго орелъ уносилъ въ высоты. На минуту, казалось, она властвовала надъ міромъ; спустясь же на землю, она замѣтила, что летала не на собственныхъ крыльяхъ.

Но она была настойчива и продолжала искать.

Въ деревнѣ, одна, въ непривычномъ одиночествѣ, пропитавшись всѣмъ, что прочитала, она стала всматриваться въ природу. Особенно привлекала ее тишина лѣса, его таинственный покой; зеленые своды деревьевъ очаровывали ея воображеніе. По цѣлымъ часамъ, неподвижно, наблюдала она очертанія каштановъ, ихъ пышныя протянутыя вѣтви, согнутыя будто вырѣзные своды. Ей казалось, что она—жрица чуднаго храма; ей слышалось таинственное пѣніе; цветы благоухали будто кадила, колеблящіяся въ невидимыхъ рукахъ. Взволнованная, она поднимала руки, хотѣла обнять невѣдомаго духа, пославшаго ей это сладкое волненіе, хотѣла поклониться божеству этого храма... но духъ не являлся, а Бога она не знала.

Какая-то сила,—она видѣла это ясно,—соединяла все живущее, привязывала, притягивала наскѣкомое къ былинкѣ, мохъ къ камню, птичку къ вѣткѣ, ручей къ берегамъ, бабочку къ цветѣ, дерево къ землѣ... Она одна затеряна, ей одной не отзывается ничто во всей этой гармоніи; она одна не держится ни за что, не тяготѣеть ни къ чему... и къ ней никто. Нѣть прошлаго; въ будущее нѣть вѣры...

Къ ней скоро опять воротилась усталость, скуча. Какъ автоматъ, покорный своимъ винтамъ, она позволяла увлекать себя на катанья по озеру, на всѣ сосѣдніе рауты, на всѣ пикники, и газеты заговорили о ея оригиналъныхъ туалетахъ.

Въ октябрѣ у нея явилась страсть ъздить верхомъ. Движе-

ніе и свѣжій воздухъ нѣсколько успокоили ея нервы; она стала сильнѣе, веселѣе.

Отъ кавалькадъ легко перейти къ охотѣ. Лидія выѣзжала раннимъ утромъ въ общество нѣсколькихъ мужчинъ и одной русской дамы, съ которою познакомилась на озерѣ. Это были (включая и даму) отчаянные спортсмены; Лидія не могла съ ними со-перничать, но справлялась съ своимъ элегантнымъ ружьемъ, смѣялась надъ своею неловкостью и всячески старалась найти удовольствие въ этомъ новомъ занятіи. Самое настоящее веселье было всегда за завтракомъ въ полѣ, гдѣ пробки шампанскаго летали выше деревьевъ. И затѣмъ—анекдоты, пикантныя исторіи.

Одинокая, печальная дома, Лидія приносila въ общество свое прежнее, «старинное» увлеченіе, какъ надѣваютъ артистки поддѣльные брилліанты. Развязность и сарказмъ стали ея вѣчною маской. За то ее и называли «беседечною», «пустою головой», «отъявленною кокеткой». Свѣтъ принималъ вызовъ, который она ему безпрестанно бросала; бой шелъ отчаянный, безъ перемирий, прикрытый сладкими улыбками... Она бы умерла, но не уступила.

Съ первого появленія въ обществѣ она поняла, какое важное мѣсто занимаетъ въ немъ женщина, но женщина умѣлая, ловкая, не щепетильная, опытная и самоувѣренная. Но, ухватившись за эту истину для того, чтобы ею воспользоваться, Лидія не разсчитала громадной разницы положенія замужней женщины и дѣвушкі. Что можно одной, то запрещено другой. Лидія вообразила, будто ловкость и богатство дадутъ ей независимость, будто она достаточно сильна, чтобы разбить мнѣніе, сложившееся вѣками.

Слишкомъ поздно замѣтила она свою ошибку, — замѣтила только тогда, когда осталась въ неопределенномъ положеніи и между дѣвушками, и между замужними, а особенно между мужчинами, которые, не зная, какъ судить о ней, стали судить дурно.

Другая ошибка: у нея не было любовника, но, вѣчно окруженная мужчинами, она аффективированно держалась по-мужски. Однимъ это казалось противно, другимъ—непонятно и всѣмъ—смѣшино. И выходило, что вмѣсто одного любовника, котораго не существовало, Лидія приписывали многихъ. Выдумки въ подобномъ случаѣ ничего не стоять.

Одинъ непріятный случай на нѣкоторое время оттолкнулъ ее отъ мужскаго общества. Во время охоты она познакомилась съ однимъ молодымъ офицеромъ, смѣялась надъ нимъ, дразнила

его, вызывала перегоняться, обещала цвѣтокъ, который бы былъ приколотъ къ ея корсажу, то-есть она дѣлала то же, что дѣлала съ другими, чтобы позабавиться, блеснуть, понравиться.

Но офицерикъ, плохой знатокъ тайниковъ женского сердца, привычный имѣть дѣло съ женщинами другого сорта, вообразивъ, что можно рисковать всѣмъ, вздумалъ пойти на приступъ. Было вечеромъ, въ саду. Лидія, вѣнчая себя, оттолкнула его, сломила вѣтку акации и прогнала его, вонъ, какъ собаку.

Она вошла въ домъ, крича отъ бѣшенства... Оскорбить ее!... Да какъ онъ посмѣялъ?

Она еще больше возненавидѣла мужчинъ, удвоила злость, вызовы... О, еслибы у всѣхъ мужчинъ было одно лицо,—отхлестать бы всѣхъ разомъ!... Но и среди такой ярости она не могла обойтись безъ нихъ. Ей было необходимо слышать эти твердые, мѣрные шаги, испытывать пожатия сильныхъ рукъ, оставлявшія слѣды колецъ на ея нѣжныхъ пальцахъ, прислушиваться къ звукамъ этихъ полныхъ, глубокихъ голосовъ, отъ которыхъ пробѣгаешь по всему тѣлу.

XI.

Наступилъ ноябрь; деревья потеряли свой зеленый уборъ; вѣтеръ вылъ, клоня къ землѣ верхушки каштановъ. Сѣрый покровъ окутывалъ небо и горы, сѣрый туманъ вставалъ съ земли и съ озера, какъ будто изъ жалости набрасывая саванъ на эту агонію.

Нѣсколько дней Лидія испытывала глубокое наслажденіе: печаль окружающаго исключала въ себѣ самой. Пріятно скакать по пустымъ дорогамъ, весело грѣться, упираясь ногой въ решетку камина, когда распущенныя волосы еще пропитаны живительной сыростью лѣса.

— Остаться развѣ здѣсь на зиму?...

Но на другой день она передумала, заглянувъ въ свой городской домъ, гдѣ не была нѣсколько мѣсяцевъ. Тамъ нужно многое, перемѣнить. Необходимы столяры, обойщики. Устарѣлая мебель обветшалыя драпировки обратили ея мысли въ другую сторону.

Развѣзжая, она встрѣтила Еву. Синьора Авелла сказала, что тоже занимается устройствомъ своего «скромнаго» гнѣзда. У Лидіи сжалось сердце. Слова «скромное гнѣздо» напомнили ей многое, указали на благо, которое ей, Лидіи, не давалось.

— Не правда ли, ты счастлива?

Ева не отвѣчала, но улыбнулась и взглянула на нее съ со-
страданіемъ.

— Такъ знаю же я, что сдѣлаю,—вскричала Лидія съ рѣз-
кимъ смѣхомъ.—Положу въ шляпу билетики съ именами всѣхъ
моихъ взыхателей и выйду за первого, который вынется... если
только и счастья, что въ замужствѣ!

Въ тотъ же день, волнуясь любовными мечтами, она купила
себѣ бархатное одѣяло; узоръ—XIV вѣка; по бѣдно-перловому
фону—фюлетовые зажженные факелы и голубые ленты, «узлы
любви». Одѣяло дало мысль перемѣнить въ комнатѣ все. Лидія
заняла бывшую спальню своей матери, просторную, угловую,
выходившую окнами въ старый садъ. Вынесли старую бархатную
мебель, коверъ съ розами, сняли потускнѣвшее зеркало, обои съ
золотыми цвѣточками и бружеvныя занавѣски, осталась только
Мадонна—головка Мурільо, и то только потому, что Лидія на-
ходила сходство между ею и собой.

Лидія вся отдалась своей новой забавѣ. Въ лихорадочныхъ
хлопотахъ, она забывала даже наряжаться; бѣгала непричесан-
ная, не одѣтая, среди хаоса ковровъ и свертковъ, приказывала,
отмѣняла приказанія. Сначала она вздумала устроить себѣ ложе
просто изъ груды подушекъ, арабскую палатку... Какъ бы по-
дивились знакомыя дамы! Но тогда какъ же быть съ «средне-
вѣковымъ» одѣяломъ?... Она отказалась отъ арабскаго жанра, но
средневѣковый черезъ-чуръ сухъ, суровъ... Къ чему гнаться за
чистотой стиля?

Въ углу комнаты былъ воздвигнутъ огромный балдахинъ
вродѣ алькова, подъ занавѣсками фюлетового бархата, и между
складками—головка Мурільо. Прекрасное одѣяло разстипалось
на низкой, широкой постели, пышной и мягкой до неприличія.
Обойщики были увѣрены, что это брачная постель синьорины.

— Ты въ этой постели утонешь,—замѣтилъ донъ Леопольдо.

— Нѣть,—просто отвѣчала она,—минъ будетъ покойно.

— Это мнѣ кажется какъ-то... неловко,—еще продолжалъ,
запинаясь, донъ Леопольдо.

— Почему?

Мудрено было бы сказать почему, и по яснымъ глазамъ Лидіи
было видно, что она нисколько не догадывалась. Помолчавъ
и подумавъ, она прибавила, пожимая плечами:

— Что-жъ, вѣдь, никто не увидитъ, какъ я лежу въ постели.

Остальная часть комнаты наполнилась множеством модной, странной, миниатюрной мебели; прозрачно-пестрыя занавески оконъ и фиолетовая тяжелая драпировка придавала всему прятный, таинственный полусвѣтъ. Отдѣливъ ширмой одно окно, Лидія устроила себѣ кабинетикъ. Онъ сталъ ея любимымъ уголкомъ. На лаковыхъ ширмахъ были изображены сельскія сцены и напудренные пастушки въ фижмахъ и розахъ. Лидія догадалась, что тутъ необходима рабочая корзина, и завела ее—съ голубыми ленточками, съ золотымъ наперсткомъ, съ вычурными ножницами.

«Въ дурную погоду я буду здѣсь работать», — думала она очень серьезно, раскладывая всѣ эти вещи.

На стѣнахъ висѣли фотографіи актрисъ и модныхъ красавицъ; съ потолка, какъ птица, свѣшивался огромный японскій вѣръ. Уголокъ былъ загроможденъ до невозможности; бѣдную маленькую пальму, чтобы она не беспокоила Лидію своими листьями, прижали совсѣмъ къ стекламъ.

Въ хлопотахъ, Лидія незамѣтно дожила до конца года и еще нѣсколько недѣль доставляла себѣ удовольствіе, показывая комнату своимъ пріятелямъ. Сначала она только останавливалась на порогѣ; но потомъ ей какъ-то лѣтъ было подняться съ мѣста и она, лежа въ своемъ креслѣ, приняла визитъ Кальми. Что-жъ, старый знакомый... Принявъ Кальми, изъ чего беспокоить себя для другихъ? Кружокъ мужчинъ располагался около ширмъ, за ширмами, покойно или непокойно, какъ кто могъ; тѣснились, наступали на ноги, сталкивались, но много смѣялись.

Все высшее общество пришло въ ужасъ. Одна старая маркиза, много лѣтъ служившая бѣсу и обратившаяся къ благочестію, явилась съ велиkimъ церемоніаломъ, во имя честныхъ дамъ, обращать Лидію, доказывая ей, что благородныя дѣвицы такъ себя не ведутъ. Лидія взбѣсилась, не дала кончить проповѣди и возразила, что если эти честныя дамы принимаютъ своихъ пріятелей въ постели, то она можетъ принимать своихъ въ спальней.

Это было черезъ-чуръ сильно даже для Лидіи. Ее начали избѣгать, едва принужденно кланяясь, наконецъ, совсѣмъ остали. Защитить ее было некому,—донъ Леопольдо впалъ въ ребячество и считался защитникомъ только по имени. Лидія иногда сознавала свое ложное положеніе, но выхода изъ него не видѣла; ее оплела сѣть подозрѣній, клеветы, злобы, а какъ разор-

вать ее, она не знала. Она чувствовала себя чище, благородней обвинителей и не хотѣла перемѣниться.

— Я ничего дурного не дѣлаю,—оправдывалась она.

Всякій день она все больше выказывала отваги и презрѣнія къ приличіямъ, не переставая волноваться въ душѣ.

Куда дѣвать время? Ей всякий день представлялась эта трудная задача. И чаще всего, не трудясь разрѣшать ее, Лидія погружалась въ свое кресло безъ желаній, безъ любопытства, безъ влеченія.

На какой-то благотворительной лотерѣ она выиграла хорошеній револьверъ,—игрушку, которую сейчасъ же положила на свой столикъ, ради оригинальности, и показывала пріятелямъ. Тѣ, въ шутку, надарили ей кинжаловъ, красивыхъ рапиръ, и она все это развѣшала рядомъ съ вѣромъ; новизна во что бы то ни стало.

Въ началѣ зими она принялась часто бывать у синьоры Авелла. Она въ самомъ дѣлѣ ее любила. Ева оставалась ея единственою пріятельницей послѣ добровольного отѣзда Костанцы. Ева тоже любила Лидію горячо и искренно, но Лидія замѣтила, что, выйдя замужъ, Ева перемѣнилась, на объятія отвѣчала ласково, но какъ будто разсѣянно, принужденно; разговоры не клеились,—говорилось одно, думалось другое. Лидіи случилось видѣть Еву вмѣстѣ съ Маріо, и ей казалось, будто она стѣснялась. Ева была привѣтлива, Маріо почтительно раскланивался; усаживались всѣ трое, а бесѣда не завязывалась.

XII.

— Вы серьезно не хотите идти замужъ?

— Вы серьезно меня спрашиваете?

Лидія и адвокатъ Кальми смотрѣли другъ на друга въ упоръ, при блѣдномъ свѣтѣ лючерны, завѣшанной кружевами.

Лидія много выѣзжала въ этотъ день, устала, почти ничего не ъѣла; въ пустую, холодную гостиную идти не хотѣлось; когда доложили о Кальми, съ кресла подняться не было силъ, да и не стояло. И ничто не стѣснитъ труда; въ жизни только и есть сноснаго, что безгранична свобода. За нее дорого платится, такъ, по крайней мѣрѣ, хоть пользоваться ею.

И Лидія шогрузилась въ кресло, скрестивъ ножки на мягкой скамейкѣ,—прелестныя ножки въ сѣрыхъ чулкахъ и туфляхъ,

черныхъ съ серебромъ. Алое бархатное платье было опущено чернобурымъ лисьимъ мѣхомъ, нѣжныя руки открыты и опутаны, какъ четками, жемчугомъ.

— Серьезно? — повторила она, не договорила отъ скучи и зѣвнула.

— Вы сами говорите, что устали.

— Да, но я не хочу, какъ въ *Madame Angot...*

Кальми засмѣялся. Въ нѣсколько лѣтъ короткаго знакомства они лучше поняли другъ друга. Ихъ умы были сотворены для взаимнаго пониманія, но они были слишкомъ схожи, и это сходство не вызывало симпатіи, а, напротивъ, отталкивало. Долгое время они, оба гордые, оба одинаково скептики, все оставались на-сторожѣ, глядѣли подозрительно. Лидія слушала, безъ разбора, все, что говорилось о Кальми. Онъ былъ вѣчно съ тѣми, кто говорилъ о ней дурно.

— Знаете, я была на балу въ *собраніи*.

Онъ рѣзко повернулся, пожавъ плечами.

— Въ *собраніи*? Когда?

— Въ среду.

— А!.. И что же, веселились?

— Очень! — отвѣтчила она рѣзко и насмѣшливо. — Удивляется?

— Я? Нѣть... Съ дономъ Леопольдо?

— Съ баронессой фонъ-Штернъ. Премилая женщина! Я съ ней не видалась нѣсколько лѣтъ; она все жила въ Вѣнѣ.

— Похожа на свою маменьку?

— И да, и нѣть. Порядочнѣе, симпатичнѣе... А скажите правду (она оставила играть ножомъ и скрестила руки), вы какъ будто удивлены тѣмъ, что дѣвица, синьорина, была въ *собраніи*?

— Помилуйте, къ чему насы синьорины ни пріучили! Увѣряю васъ, я не удивленъ нисколько.

— Отлично. Вы считаете меня чудовищемъ разврата. Но, все-таки, не отрекаюсь: я хочу знать, въ какихъ моряхъ я плаваю.

— И вы веселились въ *собраніи*?

— Ну, да, я вамъ сказала, очень. Мне казалось, что я въ аду. Позабыть совсѣмъ все, что есть, напиться до безчувствія и провалиться въ самую глубину... можетъ быть, это и есть самое счастье.

Кальми смотрѣль наблюдало, холодно. Она продолжала, подстрекая сама себя:

— Я видѣла тамъ важныхъ господъ, — чиновные, ученые; все серьезныя особы, которыхъ, обыкновенно, на меня свысока посматривають... они ломались, орали, какъ паяцы...

Она отвертывалась отъ его взгляда.

— Женщины особенно меня заинтересовали...

Кальми молчалъ. Голосъ Лидіи дрогнулъ; она заговорила тихо.

— Скажите, эти женщины... это женщины, которыхъ вы любите?

— Какое вамъ дѣло, когда вы сами не хотите любить?

Лидія не ждала такого отвѣта, но онъ ей понравился: бѣда Кальми, еслибъ онъ сталъ отговариваться, какъ дѣлаютъ другіе! Она опрокинулась въ креслѣ; ея бѣлая шея красиво выказывалась изъ алаго бархата. Кальми смотрѣль. Для своихъ тридцати лѣтъ она еще хорошо сохранилась и могла бы выйти за какого-нибудь разорившагося маркиза, хотя бы для того, чтобы ее не прозвали «королевой - дѣственницей», какъ Елизавету англійскую. Онъ усмѣхнулся. Лидія оглянулась.

— Что вы подумали?

— Ничего.

— Неправда.

Онъ промолчалъ.

— Можетъ быть, размышиляли о странности нашего положенія: женщина еще не старая, мужчина молодой, десять часовъ вечера, полночьееединеніе... Какой просторъ для злословія!

— Да... — выговорилъ Кальми, — да-а.

Онъ всталъ. Его движеніе, его на секунду закрывшіеся глаза напомнили Лидіи разговоръ много лѣтъ назадъ, на террасѣ, въ ту ночь, какъ умерла ея мать. Ей какъ-то вдругъ захотѣлось услыхать какое-нибудь привѣтливое слово.

— Кальми, вы навсегда мнѣ другъ? Вы знаете, что въ дружбу я верю.

— Я постараюсь не лишать васъ этой иллюзіи.

Онъ сказалъ это серьезно, но нѣжно, погладилъ бороду и, стоя, смотрѣль въ пустоту острыми, холодными глазами. Вдругъ онъ подошелъ къ стѣнѣ, гдѣ на темныхъ драпировкахъ бѣльи фотографіи. То были портреты красавицъ, аристократъ, балеринъ. Лидія накупила ихъ изъ любви къ изящному. Въ золотыхъ рамкахъ, онъ гордо красовались въ этой странной дѣвичьей спальне.

— Какъ хороша, не правда ли? Что за плечи! О, если бы быть такою!

— Что-жъ тогда?

— Можетъ быть, и я бы любила... Да, быть первою изъ всѣхъ женщинъ! Одарить человѣка своею любовью такъ, чтобы ему и въ голову не могла прийти мысль сравнить меня съ другою! Но пропѣснаться, становиться въ рядъ, братъ номеръ—пятая, десятая, двадцатая... знать, что меня будуть любить не больше, чѣмъ любили другихъ,—знать, что я сама буду любить не больше, чѣмъ другіе любили... о, этого я не въ силахъ и высказать!

Она схватилась за грудь, разбитая, измученная; ея лицо мгновенно измѣнилось; около рта, въ болѣзnenной судорогѣ, словилась морщина.

— Минѣ иногда приходить въ голову,—заговорила она, тоже вставая и прислоняясь къ ширмѣ,—что, ежели мимо менѣ прошла любовь, а я не замѣтила?

Кальми покачалъ головой.

— Вы думаете, этого не можетъ быть?

— Нѣть.

Лидія потупила глаза. Оба молчали, вспоминая.

— Выувѣрены,—выговорила она, все не взглядывая прямо,—что съ вами этого никогда не случалось?

— Увѣренъ.

Оба замолчали опять.

Лючерна бросала дрожащи свѣты изъ-подъ кружева. Портреты красавицъ, радостные, торжествующіе, выставляли на стѣнѣ бѣлизну пышнаго тѣла, грацію властительныхъ головокъ; одна «знаменитость», въ костюмѣ богини войны, съ обнаженными руками и ногами, въ крылатомъ шлемѣ, казалась олицетвореніемъ страсти, вызывающей чувственность на бой... Въ отблескахъ огня сверкали дамасскіе кинжалы, игрушка-револьверъ въ бархатной коробкѣ; только на ширмѣ, будто зачарованныя, неподвижныя въ своихъ граціозныхъ позахъ, виднѣлись напудренныя пастушки.

Лидія, все молча, зажгла канделябры у зеркала; вся комната освѣтилась.

— Покойной ночи,—сказалъ Кальми, подходя къ дверямъ.

— О, всѣ мои ночи покойны! Я сплю, какъ сурокъ.

Она опустила портьеру и тихо пошла въ свой уголъ.

Каждый вечеръ, раздѣваясь передъ портретами красавицъ, подъ занавѣсками темного бархата, передъ зеркаломъ, отражавшимъ блѣдное лицо тридцатнѣй дѣвы, Лидія думала, что ее никогда не ѻловалъ мужчина. Репутація ея подорвана, сама Лидія ничему не вѣрить, знаетъ всѣ тайны разврата... и такъ чиста, что, ложась въ свою постель, дрожитъ, жмется, скрещиваетъ руки на груди, холодѣеть отъ страха, какъ ребенокъ, запертый въ темной комнатѣ.

XIII.

У Лидіи не оставалось больше подругъ, съ которыми она выросла вмѣстѣ, которыхъ любила со всѣмъ жаромъ молодости.

Синьора Авелла не бывала въ обществѣ; счастливая своею любовью, она порвала всѣ другія связи. Жизнь Лидіи и ея началась вмѣстѣ и разошлась въ разныя стороны только теперь; они еще любили, но уже не понимали одна другую.

Мать Костанцы - Джеронимы умерла. Костанца вступила въ число сестеръ «Краснаго Креста» и, отъѣзжая далеко, приходила проститься съ Лидіей. Онѣ разставались тяжело, но Костанца была сильнѣе. У нея было время своей борьбы — трудной, горькой, но борьба кончилась, Костанца побѣдила. Ея просвѣтленное лицо было свѣжо и молodo — признакъ равновѣсія силъ душевныхъ и физическихъ; лазуревые глаза патриціанки горды по-прежнему, но еще болѣе прежняго кротки, полны состраданія и милосердія. Разставаясь, можетъ быть, на вѣки, подруги вспомнили свою шутку, свои девизы.

— Ты своему вѣрна, — сказала Лидія. — *Все или ничего!*

Хотѣла прибавить, что и она вѣрна девизу *Забавляться!* но слово замерло. Она прижалась къ подругѣ, умоляя не забывать ее, и цѣлый день никого не принимала, заперлась въ своей комнатѣ, перебирая старыя замѣтки, записки и дневникъ, въ которомъ цѣлую зиму отмѣчала свои впечатлѣнія.

Этимъ временемъ она завела короткое знакомство съ дочерью графини Коломбо, баронессой фонъ-Штернъ. Въ одиночествѣ, въ разлукѣ съ подругами-ровесницами, Лидія радостно отдалась новой привязанности. То, что Лидія чувствовала къ старшей подругѣ, на чьей свадьбѣ такъ весело щутила, была въ самомъ дѣлѣ привязанность.

Дочь графини Коломбо уродилась въ свою мать: странное существо съ пламенными глазами, жаркими губами, худое, извивчивое, какъ змѣя. Порядочная среда сгладила странности ея происхожденія; Тea была образованнѣе, утонченнѣе матери, но, для наблюдателя, сквозь ужимки баронессы все сквозила искательница приключений.

Пятнадцать лѣтъ, проведенные въ самомъ веселомъ и испорченномъ вѣнскомъ обществѣ, доставили баронессѣ фонъ-Штернъ пикантную обольстительность эзотического цвѣтка. Ея духи разнились отъ всѣхъ извѣстныхъ духовъ; ея платья не согласовались съ общую модой. Впрочемъ, ея манеры были настолько приличны, что общество принимало ее охотно.

Лидія не находила возможнымъ броситься въ объятія этой новой подруги, но онѣ видѣлись и писали записки другъ другу каждый день, отправлялись вмѣстѣ гулять, въ театръ, въ концерты. Если Лидія заставала баронессу за туалетомъ, та приглашала ее въ уборную; Лидія въ подобныхъ случаяхъ дѣлала то же. Лидія восхищалась своею баронессой, твердила о ней повсюду, прославляла ея умъ, развязность, пикантность. Онѣ составляли громадные планы: Тea опять пойдетъ въ Вѣну и увезеть съ собою Лидію. Мужъ, баронъ, будетъ, конечно, очень радъ.

— Мужъ тебѣ во всемъ даетъ волю?

— Еще бы!

Баронесса казалась совершенно счастливою женщиной. У нея былъ четыринацатилѣтній сынъ, учившійся въ императорской коллегіи; она съ гордостью показывала его письма. Въ Вѣнѣ,—рассказывала она,—ее все любятъ; ухаживаютъ за ней до того, что надоѣло; принята она въ лучшемъ обществѣ. Она часто говорила о своихъ побѣдахъ, о своемъ торжествѣ, и когда говорила, въ ея глазахъ вспыхивало то пожирающее пламя, которымъ прославились глаза ея матери.

— Въ этихъ очахъ,—говорилъ Кальми,— еще два десятка лѣтъ любовнаго аппетита, десятокъ лѣтъ—на карты; не удивлюсь, если и на церковь чтѣ-нибудь останется. Порода хорошая...

Лидія сердилась... Для этого Кальми нѣтъ ничего святаго! Она зажимала ему ротъ своимъ надушеннымъ платкомъ и кричала, что баронесса фонъ-Штернъ—милѣйшая изъ женщинъ.

Разъ въ одномъ изъ магазиновъ Лидія встрѣтила синьору Авелья. Лидіи показалось, что она ее избѣгаетъ, но онѣ сошлись и пожали другъ другу руки.

— Отчего ты не ходишь ко мнѣ? — спросила Лидія.

— Я очень занята.

— Свою любовью? Но твоей мужъ не цѣлый же день дома.

Лидія улыбнулась гадкою улыбкой, которой выучилась недавно, улыбкою злю, прорѣзывавшею морщины у рта и похожею на гримасу.

— Ты... все съ Tea? — спросила Ева, нѣсколько колеблясь.

— Да. Больше друзей у меня нѣтъ. Всѣ бросили.

— А ты... — продолжала Ева кротко и ласково, — ты бы бросила... ее?

— Это почему?

— Знаешь... такая семья...

— Какое мнѣ дѣло? Tea совершенно порядочная особа.

Ева замолчала, закусивъ губы. Она долго, крѣпко и горячо жала руку Лидіи. Та не хотѣла понимать. Ева отошла, тихо, печально оглядываясь.

— Такая же, какъ всѣ! — со злостью сказала ей вслѣдъ Лидія.

Въ интимности, которая установилась между Лидіей и Tea, разумѣется, не могъ быть оставленъ въ сторонѣ вопросъ о любви. Опѣ обсуждался безпрестанно, но пріятельницы и въ немъ были согласны, рѣшивъ, что всѣ мужчины не стоятъ того, чтобы ихъ любили.

— Конечно, исключая твоего мужа?

Баронесса прищурилась, посмотрѣла пристально и отвѣчала рѣшительнымъ тономъ:

— Разумѣется. Но супружеская любовь совсѣмъ не то, чѣмъ вы, дѣвушки, воображаете.

— Знаю, — вскричала Лидія, — пожалуйста, не воображай меня простушкой!

— Да и другая любовь — вовсе не любовь, — вяло продолжала баронесса и остановилась.

— Но, все-таки, — спросила дѣвушка, — совсѣмъ ты мнѣ идти замужъ или нѣть?

— Удивляюсь, что ты до сихъ поръ не вышла. Напримѣръ, Кальми? Порядочное имя, богатъ, симпатиченъ, образованъ...

Лидія захочотала.

— Именно Кальми-то и не захочетъ на мнѣ жениться! Ты не повѣришь, онъ никогда, ни чуточки за мнай не ухаживалъ!

- Что-жъ онъ такое?
- Онъ мнѣ другъ.
- Платоническій! — Тea рѣзко захохотала. — Ну, а другіе?
- О, тѣ, я думаю, меня возьмутъ; кто-нибудь ради моихъ прекрасныхъ глазъ и всѣ — ради приданаго. Но мнѣ никто не нравится.
- Не слѣдуетъ обольщать себя идеалами.
- У меня нѣтъ идеала. Я ищу только, чтобы человѣкъ мнѣ нравился.
- И то ужъ много.
- Прими къ свѣдѣнію, — возразила Лидія, — что у меня есть средства, нужда не заставляетъ меня стать подъ вѣнецъ съ первымъ встрѣчнымъ. Синьорина Лидія въ мужѣ не нуждается.
- Мужъ всегда нуженъ. Это аксіома, — спокойно произнесла баронесса и прибавила: — Поищемъ его въ Вѣнѣ. У барона прошастъ кузеновъ, у кузеновъ — безъ числа пріятелей.
- Ты говорила, — вскричала, вспомнивъ, Лидія, — что у васъ безпрестанно бываетъ кузенъ твоего мужа...
- Кетскій?
- Онъ тоже изъ Вѣны?
- Его мать изъ Вѣны, отецъ — русинъ.

Прошло нѣсколько дней. Старая графиня Коломбо, сморщенная, сухая, черная, вся въ красныхъ бантахъ, играла въ своей гостиной въ *poker*, кричала и металась въ креслѣ, сверкая выцвѣтшими глазами. На диванѣ, въ углу, Лидія и Tea разматривали альбомъ вѣнскихъ фотографій.

— Мнѣ нравятся болѣе женщины, — сказала Лидія. — «Сильный полъ» много теряетъ на портретахъ.

- Вотъ императрица.
- Какая красавица!
- Вотъ эрцгерцогиня Стефанія... Гизель... княгиня Меттернихъ... баронесса Ротшильдъ...
- А это? — вскричала Лидія, поднося портретъ къ лампѣ, чтобы лучше разсмотретьъ.
- Это — не женщина! — насмѣшливо отвѣчала баронесса, откидываясь на спинку дивана.
- Я во всю мою жизнь не видала такого чуднаго мужскаго лица! Кто это?
- Отгадай.

— Наслѣдный принцъ?

Теа захотала, закрываясь вѣромъ.

— Непремѣнно принцъ!

— Поменьше немножко.

— Такъ герцогъ?

— Не герцогъ.

— Маркизъ?... Не говори — нѣть! Не разочаровывай меня, что этотъ полубогъ—чиновникъ, банкиръ... По крайней мѣрѣ, графъ?

— Мой кузенъ Кетскій,—медленно выговорила Теа.

Легкая краска пробѣжала по лицу Лидіи; глаза Теа блеснули.

— Прекрасный типъ, не правда ли? О, славяне... еслиѣ ты ихъ знала!

— Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ такъ хорошъ?—спросила Лидія.

— Еще лучше,—отвѣчала Теа,—еще лучше!

Лидія неохотно оставила фотографію, разсѣянно пересмотрѣла остальные и, вставая съ дивана, еще разъ взяла въ руки портретъ Кетскаго. Баронесса слѣдила за нею и вяло проговорила:

— Поручикъ, гвардейскій гусаръ...

XIV.

Въ юльские жары графиня Коломбо рѣшилась пойхать на виллу и Теа отправилась съ нею провести послѣдніе дни своего отпуска, какъ она шутя говорила. Въ августѣ ей было необходимо быть въ Вѣнѣ; ея сынъ выходилъ изъ коллегіи. Она взяла съ собою Лидію. Вилла была не далеко отъ города, большая, богатая, впрочемъ, удобная и совершенно уединенная среди зеленої поляны.

Теа, несмотря на свои тридцать шесть лѣтъ, стройная, живая, всегда веселая, казалась бы дѣвушкой, если бы загадочный взоръ не выдавалъ бездну мыслей и ощущеній далеко не невинныхъ. У нея былъ странно глухой голосъ, а въ разговорѣ съ мужчинами онъ принималъ какіе-то оттенки безсиляя, нѣжащей истомы.

— Ты должна нравиться мужчинамъ!—говорила Лидія.

— Да,—отвѣчала баронесса и углы ея рта вздрагивали,— да, но за то женщины меня терпѣть не могутъ.

— А какъ же я-то?

— Ты — исключение.

Однажды вечеромъ Лидія замѣтила на Теа медальонъ на тончайшей цѣпочкѣ, спрятанной въ кружева.

— Портретъ твоего сына? — спросила она, протягивая руку.

— Да, сына, сына, — отвѣтила баронесса и отвернулась.

Пролетѣли четыре дня. На пятый, за завтракомъ, баронесса получила письмо, которое разстроило ее на цѣлый день. Послѣ ужина она долго говорила съ матерью. Лидія думала, что отъ барона пришли какія-нибудь нехорошія вѣсти, но ей не хотѣлось вмѣшиваться въ чужія дѣла. Уходя спать, она только сказала:

— Ты нездорова, Теа?

— Нѣтъ.

— Не могу ли я сдѣлать для тебя что-нибудь?

— Нѣтъ.

Онѣ простились и поцѣловались. Въ первый разъ Теа заперла дверь своей комнаты.

На утро Лидію разбудилъ какой-то шумъ. Она не могла больше заснуть, встала и сошла въ нижнюю гостиную. Ничего. Окна заперты, вчерашніе цвѣты увядаются въ вазахъ, на столахъ валяются вчерашнія газеты. Видно, что въ гостиную не входила еще даже и прислуга.

Она вышла во дворъ. Солнце было уже высоко.

Безъ цѣли, Лидія пошла тропинкой въ поле, — далеко или близко, ей было все равно. Лидіи было пріятно гулять свободно, не на виду у другихъ, не заботясь объ «эффектѣ».

Послѣ безплодныхъ попытокъ, вызванныхъ чтенiemъ Кошие, Лидія больше не принималась выражать свои впечатлѣнія въ художественныхъ образахъ. Ей было довольно чувствовать. Она чувствовала свѣжесть травы, воздуха и думала, что нынче въ модѣ цвѣта, которые не идутъ къ типу ея красоты. Ея взглядъ блуждалъ по лугу, испещренному цвѣтами, а въ глазахъ стояли задорныя картинки *Vie parisienne*, любимаго журнала Теа... и эта двойственность щекотала ея нервы и усиливалась удовольствіе.

Дорога была не пуста, встрѣчались крестьяне, крестьянки, съ деревянными башмаками въ рубахъ, въ праздничныхъ платьяхъ.

«Куда это они?» — подумала Лидія. На поворотѣ дороги все объяснилось: цѣлью была маленькая церковь, убранная по-праздничному; у дверей собралось еще много богомолокъ, всѣ чинные и, въ то же время, веселые.

«Можетъ быть, сегодня воскресенье?» — подумала Лидія, но сообразила, что не воскресенье. Толпа увлекла ее за собою въ церковь. Это было для нея ново.

Религія не занимала въ ея жизни никакого мѣста, ни въ смыслѣ вѣры, ни въ смыслѣ отрицанія. Она не была ни вѣрующей, ни атеисткой, потому что никогда обѣ этомъ не думала. Съ дѣтства она привыкла считать воскресную обѣдню за одинъ изъ общественныхъ обычаевъ, какъ принято, напримѣръ, вланиться знакомымъ.

Ея умъ, свободный отъ всякаго идеализма, никогда не ощущалъ потребности подняться къ существу высшему, ея сердце никогда не рвалось излиться въ молитвѣ. У нея не было религіознаго чувства, а семья не развивала его въ ней. Донъ Леопольдо чуть - чуть принадлежалъ къ вольтеріанцамъ начала нынѣшняго столѣтія. Донна Клара, одною своею неподвижностью могла бы научить дочь индифферентизму, если бы Лидія уже не была имъ пропитана со дня своего рожденія.

Въ бѣдной церкви не было ни картинъ, ни мрамора. Все ея богатство было собрано на единственномъ алтарѣ: четыре мѣдныхъ подсвѣчника и нѣсколько букетовъ полевыхъ цветовъ. Священникъ, въ зеленой ризѣ и бѣломъ накрахмаленномъ стихарѣ, взошелъ къ алтарю и перекрестился. Перекрестились всѣ, даже и Лидія, удивленная, что она находится въ такомъ обществѣ.

Всѣ женщины опустились на колѣни, смиренныя, погруженныя въ созерцаніе, и медленно, торжественно началось пѣніе всѣдѣ за словами священнослужителя.

— Что это такое? — спросила Лидія вслушъ невольно.

— Литанія. Сегодня праздникъ святой Анны, нашей заступницы, — отвѣчала молодая женщина, прижимая къ груди ребенка, вся переполненная радостью и благоговѣніемъ.

Лидія стояла и одна не пѣла. Она не умѣла молиться. Ей хотѣлось знать слова молитвы и повторять ихъ, но она не знала ихъ...)

И опять, какъ прежде, передъ нею вставала страшная загадка жизни, тайна упоенія, тайна слезъ, тайна восторга. Она ее не знала.

Что чувствуютъ эти крестьянки, которыхъ за минуту она считала чѣмъ - то среднимъ между человѣкомъ и скотомъ? Чему радуется эта, цѣлюя своего ребенка? Отчего та вся преобрази-

лась, вдохновенная, не отводя глазъ отъ облаковъ дыма? Чувствуется трепетъ сердца подъ грубою одеждой, руки порывисто сжимаютъ четки. Пламенныя, любящія души летятъ прочь отъ міра, вмѣстѣ съ божественнымъ пѣніемъ возносятся въ высоту, къ идеалу, котораго нѣть у нея, Лиді... Онъ возвысились, онъ счастливы!

Счастье!... Ей же никогда не знать счастья. Ее охватила томящая тоска,—тоска безъ имени, тоска и ужасъ... Она одна, совсѣмъ одна.

Еще минуту—и она осталась бы въ этой церкви и плакала бы вмѣстѣ съ этими женщинами, завидуя ихъ слезамъ, отчаянно терзаясь своимъ неумѣньемъ любить.

Но она убѣжала. Подъ сводами раздавалась послѣдняя молитва: «Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра».

На виллѣ не замѣтили отсутствія Лиді; всѣ думали, что она въ своей комнатѣ. Она вошла въ нижнюю гостиную, какъ была, съ зонтикомъ въ рукѣ. Тea живо разговаривала съ кѣмъ-то неизвестнымъ. Лидія хотѣла уйти.

— Воротись, воротись!—закричала Tea.

Гость обернулся. Лидія остановилась, пораженная, будто увидѣла призракъ.

— Кетскій!—выговорила она.

— Стало быть, старые знакомые?—сказала, смѣясь, баронесса.—Фотографія совершенствуется! Стало быть, и представлять васъ не нужно? Впрочемъ, для формы: графъ Кетскій, мой кузенъ, другъ мой, контессина Лидія Вальдора.

Во ожиданіи завтрака Кетскій прогуливался въ саду съ Лидіей и любезно спрашивалъ ее о здоровыи. Онъ находилъ, что она немного блѣдна.

У него была вкрадчивая манера говорить и голосъ, которымъ онъ владѣлъ необыкновенно искусно; слушалъ онъ еще лучше, нежели говорилъ, слѣдя за мыслю собесѣдника. Лидія была не высока ростомъ, и Кетскій почтительно наклонялся; его голубые глаза свѣтились ласковымъ свѣтомъ, всѣ движенія носили отпечатокъ какой-то особенной изысканности.

— Правда ли, что вы хотите нась оставить?—вдругъ спросилъ онъ, заботливо отклоняя вѣтку акапіи отъ лица Лидіи.

— Но...—сказала Лидія, затрудняясь въ первый разъ въ

жизни и въ первый разъ чувствуя, какъ непріятно будетъ уѣхать,—я не хочу злоупотреблять гостепріимствомъ...

Какая глупая, вульгарная фраза! Она столько разъ вела, направляла блестящія бесѣды и не съумѣла отвѣтить Кетскому!

Онъ посмотрѣль, снисходительно улыбаясь, и сказалъ тихо:

— Если гостепріимство такое искренно-дружеское...

Она не отвѣчала; ей хотѣлось сказать многое, но она не знала съ чего начать. Ее влекло высказать этому незнакомому человѣку всѣ теоріи своей жизни, всѣ свои привязанности; ей казалось необходимымъ открыть Кетскому свое сердце, но ей хотѣлось сказать все, или, вѣрнѣе, хотѣлось, чтобы онъ понялъ все безъ объясненій. Кетскій — воть былъ бы другъ! Добръ, понятливъ, образованъ, остроуменъ... Ее будто укусила зависть: онъ — кузень Тea, и сердце ея болѣзnenno сжалось.

Кетскій говорилъ объ Италии; онъ видѣль ее въ первый разъ и восхищался. Но Лидія вдругъ спросила:

— Захотѣли бы вы остаться въ Италии навсегда?

— Если бы...

Лидія оглянулась и встрѣтила его взглядъ, глубокій, потерянный, будто передъ нимъ стояло видѣніе. Ея сердце встрепенулось и словно на крыльяхъ стремилось за этимъ взглядомъ на встрѣчу видѣнію. Нѣсколько минутъ оба молчали и тихо шли по аллѣѣ подъ свѣжимъ сводомъ акацій. Лидіи казалось, что она никогда не устанетъ идти,—такъ легко ея ножки касались земли; воздухъ, обнимая, будто уносилъ ее. Если бы не пора идти завтракать, она бы завела длинную бесѣду.

Раздался звонокъ къ завтраку.

— Я такъ и ждала,—сказала Лидія, но не заторопилась, а остановилась сорвать вѣтку гераніи.

Кетскій остановился тоже.

— Идите, не церемоньтесь,—сказала она.

Она была увѣрена, что онъ не двинется съ мѣста. И точно, онъ наклонился надъ цвѣткомъ, который она сорвала, и сказалъ:

— Я очень люблю гераніи.

— Красныя? — спросила Лидія, немного принужденно улыбаясь.

— Нѣть, воть эти, блѣдно-розовыя, съ фіолетовыми жилками. Это — идея соединенія страсти и чувства... истинная, единственная поэзія.

Болокольчикъ прозвонилъ еще разъ.

— Тамъ проголодались! — весело вскричала Лидія и побѣжала, — побѣжала единственно изъ приличія: ей хотѣлось скакать, пѣть, дурачиться.

Въ гостиной она остановилась передъ зеркаломъ... Какъ сияли ея глаза!

XV.

На вилль установился образъ жизни правильный, систематичный, будто на вѣки. Ни баронесса, ни Кетскій не поминали объ отъездѣ въ Вѣну. Лидія бросила было фразу о своемъ скоромъ возвращеніи въ городъ, но не повторила ее послѣ простаго легкаго возраженія Теа.

Всѣ эти лица, совершая ежедневный кругъ общаго житія, казалось, имѣли, какъ планеты, свое собственное круговорщеніе, свои собственные, загадочные интересы. Въ извѣстные часы Теа удалялась; Кетскій уходилъ упражняться въ стрѣльбѣ; графиня Коломбо ложилась отдыхать на диванъ; Лидія мечтала. Сходились вмѣстѣ къ обѣду, смотрѣли другъ другу въ глаза, будто ожидая найти перемѣну другъ въ другѣ. Лидія замѣтила, что Теа стала блѣдна; много разъ Теа подмѣчала, что Лидія становится все озабоченнѣе, все задумчивѣе.

Кетскій былъ всегда оживленъ, любезенъ, весель; его эластичный и покладистый характеръ примѣнялся ко всѣму, овладѣвалъ всякимъ положеніемъ. Кетскій былъ способенъ играть въ висть съ графикой, говорить ей комплименты и ему не было скучно.

Восхищеніе Лидіи этимъ молодымъ человѣкомъ росло день ото дня; это былъ энтузіазмъ, это было восторженное удивленіе, сдерживать которое она не имѣла силы. Но какъ бы и могла она удерживаться? Она привыкла отдаваться всегда и всему, что ее привлекало. Если во всемъ мірѣ можетъ занимать ее только Кетскій, почему же не заниматься Кетскимъ?

У нихъ обоихъ есть все, чтобы понимать другъ друга: тонкий, быстрый умъ, утонченность вкуса, любовь къ изящному, стремленіе къ наслажденію.

Лидія похвалилась однажды своимъ искусствомъ стрѣлять изъ пистолета. Онъ засмѣялся, подкинулъ кверху скудо и прострѣлилъ его на-лету.

Но лучшія удовольствія устраивались потихоньку, съ волне-

ніями, будто заговоръ, съ примѣсью таинственности. По вече-рамъ, когда графинѣ удавалось поймать приходскаго священника и приходилось довольствоватьсь партіей въ *тарокѣ* или *трепетсѣ*, когда баронессу вызывали для какихъ-нибудь распоряженій въ домѣ,—Кетскій подходилъ къ Лидії медленно, траги-комическими шагами, что въ одинъ мигъ приводило ее въ отличное расположение духа, и глухо, торжественно произносилъ:

— Завтра!

Лидія смеялась.

— Часъ?

— Когда запоетъ жаворонокъ,—отвѣчала она тихонько.

И на другой день, когда еще всѣ спали на виллѣ, Кетскій и Лидія были готовы и лошади для нихъ осѣдланы. Доктора запретили Теса верховую Ѣзду и Лидія только посредствомъ маленькой скрытности могла доставлять себѣ удовольствіе, не дѣлая непріятности подругѣ.

Они пускались въ галопъ, какъ бѣглецы-влюбленные, ска-кали, какъ могли долго, возвращались, когда еще никто не вставалъ, и цѣлый день переглядывались другъ съ другомъ.

Скоро они сблизились. Лидія разсказала ему все, всю свою жизнь съ дѣтства: описала своихъ гувернантокъ, смѣшила юмористическими выходками, забавными подробностями; говорила о донѣ Леопольдо, о матери, Евѣ, Костанцѣ; имена и обстоятельства толпились у нея на умѣ и срывались съ языка безъ всякаго порядка.

Еслибъ она была въ состояніи разбирать чувство, которое влекло ее къ Кетскому, она рѣшила бы, что онъ — ея опора, блаженство, забвеніе. Въ немъ было все — вѣра, любовь, пре-красное,—все вмѣстѣ, все соединенное,—все то, что разсыпается въ мелкихъ ежедневныхъ ощущеніяхъ, что тратится крохами, теряетъ половину своей цѣнности... Кетскій явился въ концѣ ея молодости, какъ великое завершеніе прерваннаго дѣла, какъ воскрешеніе растраченныхъ силъ, какъ геніальное слово непонятаго поэта...

Наконецъ, она любила.

Всякую минуту удивляло ее новое открытие. Она чувствовала себя добрѣе, кротчѣ, жалостливѣ. Встрѣчая въ полѣ крестьянскихъ дѣтей, она останавливалась и ласкала ихъ, растроганная, съ нѣжностью, которая волновала ее, какъ женщину. Бѣдность пробуждала въ ней состраданіе. Слѣпой стариkъ, сидя у

стъники, молился за своихъ покойныхъ дѣтей. Лидія увидѣла его и искренно расплакалась. Небо, деревья, вся природа казались ей въ новомъ свѣтѣ, въ новомъ видѣ, болѣе близкими, болѣе живыми...

Она не сказала себѣ, что любить, не спросила, любить ли ее. Въ эту пору для блаженства было довольно лишь сознанія присутствія невѣдомаго Бога. Дни летѣли такъ быстро, что едва доставало времени для наслажденія, а это еще неназванное наслажденіе, этотъ не распустившійся цветокъ, какъ всякая замѣнutaя, сдержанная сила, держало ее въ напряженномъ восторгѣ.

— Кетскій, невозможно, чтобы я не знала васъ прежде, въ другомъ мірѣ: мы были тамъ родные, свои... Иначе какъ же объяснить странность, что я васъ будто *чувствую* въ себѣ?

Кетскій приписывалъ этого силы магнетизма и приводилъ въ подтвержденіе, что самъ никогда не могъ думать объ Италии безъ сильнаго душевнаго волненія. И это, конечно, больше нежели предчувствіе: это отдаленный токъ силы, могучей, дѣйствующей безсознательно.

Они всегда говорили по-французски. Лидія въ особенности нравилась скупость Кетскаго на комплименты и ихъ естественность: точно онъ просто выражаетъ свое мнѣніе.

Кетскій былъ любезенъ съ женщинами безъ ухаживанья,—того приторного и неосторожнаго ухаживанья, которое только одно и умѣютъ мужчины поставить въ противоположность грубо-неучтивому равнодушію. Этимъ Кетскій былъ похожъ на Кальми, но во сколько разъ, во сколько разъ симпатичнѣе! Все въ немъ доказывало превосходстворасы и высшаго образования...

Лидія интересовалась его исторіей и онъ разсказывалъ о годахъ своего дѣтства, проведенного въ Подоліи въ совершенномъ уединеніи со старою нянькой, объ училищѣ, о педантизмѣ учителей, о томъ счастливомъ днѣ, когда онъ въ первый день наѣхалъ блестящій гусарскій мундиръ... Лидія спросила, неужели, кроме няньки, ни одна женщина не улыбнулась ему въ дѣтствѣ? Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, что до шестнадцати лѣтъ не видѣлъ молодаго женскаго лица.

— Но,—прибавилъ онъ,—еще совсѣмъ ребенкомъ, въ замкѣ, въ уединеніи, мнѣ явилось понятіе, откровеніе женщины.

— По книгамъ?

— Да. Вѣриѣ, женщины, о которыхъ говорили тѣ страницы, открыли мнѣ путь для созданія существа фантастического, сверхъ-

естественного призрака, который я облекалъ всевозможную красотой и обожалъ десять лѣтъ. Въ моей любимой книгѣ *Тысяча и одна ночь* меня поражали не заколдованные кувшины, изъ которыхъ выскаиваютъ духи, не чудные лампады, не очарованные острова,—нѣть, я мечталъ о блѣдныхъ султаншахъ съ длинными косами, переплетенными жемчугомъ. Я видѣлъ, какъ пленно любимая Шемсельнихаръ бродила въ садахъ, доступныхъ только для калифа; тамъ изгородь изъ драгоценныхъ камней, шелковые палатки, фонтаны душистой воды; тамъ нѣмые рабы стерегутъ любовь повелителя... А Бадора, царевна съ глазами газели? А страстная Тормента?... Я всѣхъ любилъ, всѣхъ царицъ, нѣвольницъ, волшебницъ. Я бродилъ одинъ по лѣсу и все ждалъ—вотъ-вотъ явится милый образъ изъ моихъ сновидѣй... Я говорю: *образъ* потому, что для меня женщина была только сияющія очи, ласковыя уста и пышныя кудри.

Лидія погоняла лошадь и мчалась впередъ полною рысью. Кетскій оставлялъ ее на пѣськолько минутъ, отставалъ и, догнавъ,ѣхалъ съ ней рядомъ, не торопясь, глядя на дорогу... Въ полночь восторга, Лидія переживала въ эту минуту всѣ тридцать лѣтъ своей жизни.

Но почему не остаться съ нимъ навсегда? Въ сравненіи съ этимъ счастьемъ все такъ блѣдно и безцвѣтно...

Разъ она вздумала испытать себя: уѣхала гулять одна, не предупредивъ Кетскаго. Она побѣхала тою же дорогой, гдѣ они скакали вмѣстѣ, подъ тѣми же деревьями, ускоряла, замедляла ходъ лошади... Какая разница! Какъ все холодно, однообразно! Въ тоскѣ, она помчалась къ группѣ ивъ, гдѣ вчера Кетскій наткнулся неосторожно лицомъ на вѣтку; Лидія схватила эту вѣтку, прижалась къ ней щеками и губами и ускакала, какъ безумная, крича на все поле:

— Рикардо! Рикардо!

Донъ Леопольдо занемогъ ревматизмомъ и пожелалъ видѣть племянницу.

— Ты возвратишься,—говорила Тea, видя, какъ неохотно Лидія оставляла виллу.

— Нѣть, нѣть, я предчувствую несчастіе!

— Можетъ быть, ты больше не найдешь здѣсь моего кузена.

Лидія была готова зарыдать, но удержалась: баронесса смотрѣла, какъ сфинксъ. Лидія скрывала свою печаль, притворяясь,

что беспокоится о дядь, но вечеромъ, съ Кетскимъ, больше не выдержала.

— Кетский, я вѣсль больше не увижу.

— Почему?

— Не увижу. Такъ мнѣ голосъ говорить.

— Только не голосъ сердца. Мнѣ, напротивъ, именно въ эту минуту онъ говорить совсѣмъ другое.

Онъ смотрѣлъ нѣжно, согрѣвавъ ее лучами своихъ очей. Базалось бы, немного, но Лидія была утѣшена и этимъ. Во весь вечеръ онъ не отходилъ отъ нея, занимался только ею. Только разъ Тea сказала ему что-то по-нѣмецки. Лидія не знала по-нѣмецки. Кетский всталъ и тихо заговорилъ съ баронессой.

— Объясню послѣ, — закончилъ онъ по-французски, улыбаясь, воротился и сѣлъ подлѣ Лидіи.

— Стало быть, до свиданія? — спросила она.

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Тea увѣряла, что вы скоро уѣдете...

— Она ошибается. Меня никто не зоветъ.

Они разстались почти весело, крѣпко пожимая другъ другу руки.

XVI.

Донъ Леопольдо былъ болѣнь не серьезно, но бѣдный старикъ любилъ ласки, какъ ребенокъ, а Лидія умѣла ласкать, когда хотѣла. Теперь она именно была въ періодѣ нѣжности; новорожденная любовь дѣлала ее добре. Созиная себя богатою, она охотно подавала милостыню.

Цѣлые два дня провела она у кресла дяди, читала ему *Review des Deux Mondes*, баюкала его, цѣловала. Ея мысль часто бывала далеко, но слово — всегда ласково. Милости, расточаемыя дону Леопольдо, имѣли часто совсѣмъ другое назначеніе, даже тѣ порывы, которые заставляли ее восклицать:

— Старичокъ мой миленький!

Она начала рассказывать о Кетскомъ; онъ сдѣлался единственнымъ предметомъ разговора. Служалось, что донъ Леопольдо засыпалъ подъ двадцатое описание лазурныхъ очей Кетского, но это не мѣшало Лидіи продолжать.

Въ эти дни ей приходили въ голову разныя предположенія. Не перестроить ли свое существованіе? Ей казалось, что она

все проглядѣла, все дѣлала на-выворотъ... Одно размышеніе ее опечалило. Она вспомнила: разъ, вечеромъ, Бальми не могъ спрятаться съ сигарой, которая не курилась. Лидія сказала ему: «Попробуйте съ другаго конца», а онъ отвѣтилъ: «У сигаръ, какъ у людей, одна судьба, одна дорога; не заладится—остается только... вотъ!...» и выкинуль сигару за окно.

Но вспышка пессимизма тревожила ее не долго. Счастье близко, почти въ рукахъ; изъ-за теорій его не бросаютъ.

Лидія ждала извѣстій съ виллы, надѣясь, что Tea станетъ упрашивать ее возвратиться, но прошла цѣлая недѣля, а желанного письма все не было. Нервы Лидіи разстроились. Былъ августъ, въ городѣ пусто, жара страшная. Во всемъ этомъ она обвиняла Кетскаго, думала о немъ, не переставая, днемъ и ночью; зажмуривалась и видѣла его...

Лидія вставала рано и, какъ бывало прежде, одна уходила къ городскимъ воротамъ по дорогѣ въ виллу. Ей казалось, что таѣ она ближе къ нему, дышеть немножко его воздухомъ.

Она не удивилась, встрѣтивъ разъ по утру Кетскаго недалеко отъ своего дома.

— Я вамъ говорилъ, что мы свидимся.

— Да, да... пріятная неожиданность... Благодарю.

Она была взволнована, голосъ ея дрожалъ, ручки захватили его руки, будто замерли, будто она думала, что онъ убѣжитъ.

— Что же?—спросилъ, смѣясь, Кетскій.—Могу я идти съ вами?

— О, конечно. Я представлю васъ дядѣ.

— Надѣюсь.

— Но прежде пройдемся немного.

Черезъ нѣсколько шаговъ она остановилась, сняла съ шеи любой платокъ и начала обмахиваться.

— Что Tea?

Это имя такъ неожиданно упало между ними, что молодой человѣкъ на секунду смутился.

— Кузина поручила вамъ кланяться.

И ничего больше. Непріятное воспоминаніе пробѣжало у Лидіи, но она скоро отогнала его. Дѣйствительность — вотъ она — прекрасная, очаровательная...

Они вспомнили свои прогулки верхомъ. Лидія спросила,ѣздили ли онъ за послѣднее время.

— Нѣть, мнѣ было бы слишкомъ грустно.

Ей хотѣлось броситься ему на шею. Чтобы не выдать своего чувства, она принялась смеяться, звенѣла браслетами, держала свои длинныя перчатки.

Разговоръ еще разъ перемѣнился. Кетскій сказалъ, что ждетъ письмъ изъ Вѣны, что намѣренъ пробыть въ Италии какъ можно дольше, что Италия дала ему возможность понять самого себя.

— Если вы обѣщаете не смеяться надо мной, я вамъ признаюсь, что здѣсь я опять нахожу милые призраки моего дѣтства — блѣдныхъ султаншъ съ длинными косами и глазами газели... Вы стремились когда-нибудь въ безплотный міръ, въ мечтаніяхъ?

— Нѣтъ... Но все равно... Мнѣ понятно, все понятно.

— Желаніе,—продолжалъ онъ,—страстное желаніе, которое терзаетъ, отравляетъ всякую мимолетную радость, которое лихорадочно влечетъ все впередъ, все дальше...

Вдругъ повѣяло свѣжестью, въ воздухѣ туманомъ поднялся здоровый запахъ влажной земли.

— Дождь,—сказала Лидія, распуская зонтикъ, убранный кружевомъ.

— Это не велика защита.

— Все же лучше, нежели ничего.

— А вы довольствуетесь немногимъ? — сказалъ Кетскій и взялъ держать надъ нею зонтикъ.

Лидія не отвѣчала и граціозно продѣла руку подъ его руку.

— Вы правы,—сказалъ онъ, прижимая ее къ себѣ и улыбаясь.—Это лучше, чѣмъ ничего.

Они шли скоро, но дождь усиливаясь, зонтикъ весь измокъ, легкое платье Лидіи прилипало къ ея рукамъ, свертывалось жгутомъ.

— Я не могу больше бѣжать,—вдругъ сказала она.

— Отчего?

— Ботинки полны воды...

Она стараясь смеяться, крѣпко цѣпляясь за руку своего кавалера и прислоняясь плечомъ къ его груди.

— Еслибъ я могъ взять васъ на руки...

Она вздрогнула и замѣрилась. Они дошли до городскихъ воротъ.

— Тутъ мы встрѣтимъ карету.

Но въ длинной пустой улицѣ встрѣчались только мальчишки, которые возились въ лужахъ.

— Что скажетъ дядя!

Кетскій успокаивалъ, почти несъ ее, выбирая мѣстечки по-сушѣ; онъ самъ промокъ до нитки, но заботился только о ней. На поворотѣ открылась еще длинная, пустая улица, настоящая рѣка. Лидія совсѣмъ потеряла бодрость.

— Нѣть, больше силы нѣть...

— Остановимся,—сказалъ Кетскій.

Они стали подъ воротами недостроеннаго дома. Лидія озябла, дрожала, прислонилась къ стѣнѣ, блѣдная, но сіяя отъ счастья, что такъ близко... съ *нимъ*.

— Вы такого слабаго здоровья; я боюсь, вы занеможете.

Она, улыбаясь, только пожала плечами.

— Позвольте обтереть вамъ ботинки.

Она довѣрчиво, благодарно, глядя какъ ребенокъ на мать, протянула ногу.

— Бѣдная ножка!

На ней были чулки, тонкіе, какъ паутина, и вырѣзные полу-сапожки съ чернымъ стеклярусомъ. Кетскій ловко вытеръ ихъ платкомъ.

— Давайте другую.

Переставляя ногу, Лидія пошатнулась и ухватилась за плечо Кетскаго. Оба засмѣялись. Лидія еще продолжала смѣяться, покуда Кетскій, обтирая, держалъ ея ногу. Она смѣялась, но была готова плакать,—у нея сжимало въ горлѣ отъ волненія.

Онъ нѣжно взглянулъ на нее.

— Лучше ли вамъ хоть немного?

Она кивнула головой.

— Прислонитесь ко мнѣ; вамъ будетъ покойнѣе, чѣмъ у стѣны.

Лидія согласилась, но прежде стащила совершенно мокрыя перчатки, и вдругъ ей, какъ ни странно, стало стыдно своихъ рукъ, открытыхъ почти до локтя. Она старалась спрятать ихъ подъ руку Кетскаго.

— О чѣмъ вы задумались?—спросилъ, помолчавъ, Кетскій.

— Не могу сказать.

Понималъ онъ, что происходило въ ея душѣ? Онъ наклонился къ ней и шепталъ:

— Милая, милая...

Она вдрогнула, хотѣла отнять руки, но онъ держалъ ихъ.

Бакой-то человѣкъ выходилъ изъ дома, пріостановился про-

тивъ нихъ, равнодушно посмотрѣлъ, распустилъ огромный зонтикъ и прошелъ дальше.

— Не бойтесь,—шепталъ Кетскій.

Она дрожала; онъ страстно и нѣжно сжалъ ея руку. Ей дѣжалось дурно.

— Рикардо...—проговорила она, поднимая глаза, полныя желанія любви.

Дождь пересталъ, только капало съ крыши и подоконниковъ. Они пошли, не говоря ни слова. На дорогѣ встрѣтилась карета.

— Позвать?—спросилъ Кетскій.

— Да.

Ихъ голоса измѣнились; они гудѣли, какъ струны арфы послѣ восхитительной тревоги звуковъ.

Кетскій взялъ ее на руки, посадилъ въ карету и укрылъ мягкимъ ковромъ.

— Благодарю,—сказала она, протягивая руку.

Кетскій подѣловалъ ее почтительно и затворилъ дверцу. Лидія распахнула ее.

— До свиданія! И скорѣе!

Карета тронулась. Кетскій проводилъ ее улыбкой.

Возвращеніе домой совершилось будто во снѣ. Лидія очнулась умытая, согрѣтая, переодѣтая, въ креслахъ подъ дяди, и никакъ не могла уяснить себѣ, какъ все это случилось.

На колѣняхъ у дона Леопольдо лежала книжка *Revue des Deux Mondes*. Бѣдный разумъ старика колебался между двумя помыслами: племянница попала подъ ливень, а вотъ въ журналѣ начать новый романъ. Поэтому, когда Лидія вошла, онъ сказалъ съ первого слова:

— Тутъ начать новый романъ.

Затѣмъ онъ сталъ нѣжно упрекать ее за неосторожность. Лидія не прерывала его; она положила головку на фланелевый пледъ и бормотанье старика было для нея все равно, что баюканье. Только чтобъ успокоить дядю, она сказала, что была не одна подъ дождемъ, что ее охранялъ и провожалъ прелестнѣйшій, благороднѣйшій, элегантнѣйшій изъ всѣхъ кавалеровъ въ мірѣ, но, отдаваясь влечению поминать имя Кетскаго, она увлеклась описаниемъ подробностей, наслажденія стоять мокрою подъ воротами...

— Наслажденіе прачки,—прервалъ донъ Леопольдо, и проблескъ старинной насмѣшливости презрительно сжалъ его сухія губы.

«Прачки!... Сколько принцессъ охотно пошли бы въ прачки, чтобъ испытать это!»—думала Лидія.

— Новый роман Октава Фелье—*Покойница*,—доказывалъ свою вторую мысль донъ Леопольдо и указалъ пальцемъ на заглавіе романа.

— Что вы, дядя?

— Хочешь почитать?

— Не сейчасъ; если позволите, дядя, послѣ. Я немножко устала.

— Фланелью, Лидія, закутайся, фланелью...»

Онъ тащилъ съ себя пледъ, чтобъ укрыть девушку.

— Нѣтъ, дядя, мнѣ хорошо...

— Такъ вотъ что...

Онъ остановился, разинулъ ротъ и раскрылъ глаза, не помня, что хотѣлъ сказать. Понемногу глаза сомкнулись въ старческой дремотѣ, голова опустилась на грудь, руки раскинулись и выпустили книжку.

XVII.

Кальми узналъ, что Лидія въ городѣ, и пришелъ къ ней. Она встрѣтила его съ сияющими глазами.

— Я иду замужъ.

— По разсудку?

— По страсти. Я люблю графа Кетского, а онъ — первый красавецъ во всей вселенной — сдѣлалъ мнѣ честь, предпочель меня всѣмъ.

— Кетский? — сказалъ, раздумывая, Кальми.—Мнѣ это имя не ново.

— Вы не можете его знать. Онъ австріецъ и только мѣсяцъ, какъ въ Италии.

— И въ одинъ мѣсяцъ...

— Да, вамъ странно, но это такъ. Въ мѣсяцъ мы увидѣли и полюбили другъ друга. Я бы сама не повѣрила, еслибы не испытала этого.

— Кетский... Кетский...

— Нечего припоминать. Вы его не знаете.

— Но это имя я слышалъ. Можеть быть, въ клубѣ, отъ кого-нибудь изъ знакомыхъ.

Черезъ нѣсколько дней Кальми спросилъ Лидію:

— Вашего Кетского зовут Ричардъ?
 — Да, Рикардо... Ричардъ.
Кальми нахмурился.
 — Почему вы спрашиваете?
 — Потому, что того Кетского, о которомъ я слышалъ, зовутъ тоже Ричардъ.
 — И что же?
 — То, что поздравить васъ я не могу.
 — Кальми, это шутки дурнаго тона.
 — Сочтите за недоразумѣніе.
 — Графъ Ричардъ Кетскій, гусаръ, поручикъ гвардіи... смѣшивать его ни съ кѣмъ нельзя.
 — Гвардейскій гусаръ? Да это тотъ и есть!

Оба побѣдили, взглянувъ другъ на друга. Лидія вся дрожала. Кальми сознавалъ всю отвѣтственность своихъ словъ, но оставался, по обыкновенію, хладнокровенъ.

— Я не беру назадъ того, что сказалъ о поручикѣ Ричардѣ Кетскомъ, котораго заставили выйти въ отставку изъ гвардейскихъ гусаровъ за мошенничество и картечные долги. Остается только удостовѣриться въ тождественности этого господина и вашего жениха, и, если позволите, я, по праву старой дружбы, это сдѣлаю.

Лидія нервно сжимала губы, обламывая вѣрь.

— Кальми, еслибъ не вы это говорили... я васъ пятнадцать лѣтъ знаю... При васъ умерла моя мать... О, клянусь, другому бы я не дала кончить!

— И я клянусь, что все мое участіе къ вамъ не вывело бы меня изъ моего равнодушія, но въ глубинѣ моего скептицизма, все-таки, есть совѣсть честнаго человѣка.

Они дурно разстались, раздраженные, недовѣрчивые. Лидія проплакала весь вечеръ и хотѣла бы излить душу дону Леопольдо, но донъ Леопольдо ничего не понималъ. Она рѣшила, что отправится завтра къ Тea, разскажетъ все и попросить совѣта.

Она пріѣхала на виллу въ самомъ жалкомъ состояніи. Каждая троинка, каждый кустъ напоминали ей прелесть прошлыхъ дней, недавнія очарованія властительной любви. Вездѣ—Кетскій, его благородная осанка, лучезарныя очи, голосъ, улыбка... О, невозможно, невозможно, чтобы Кетскій... А, между тѣмъ, горе давило ей грудь.

Ее принялъ графиня Коломбо, повторяя, что дочь ея нездорова,

никого не принимаетъ, но для Лидії, конечно, сдѣлаетъ исключение. Тea явилась черезъ полчаса. Едва войдя въ гостиную, она бросилась спускать занавѣскі, крича, что ослыпнеть отъ свѣта; затѣмъ обняла Лидію съ увлечениемъ, съ преу величеннымъ энтузіазомъ, и принялась говорить, говорить стремительно, первымъ, крикливымъ голосомъ. Лидія, разбитая, спросила, знаетъ ли она... Баронесса прервала, возражая, что есть секреты, которыхъ не скроешь... что она давно замѣтила впечатлѣніе, которое Лидія произвела на ея кузена, что она сама, Тea, торопила его объясняться, что для нея не можетъ быть больше утѣшеннія, какъ этотъ бракъ... И опять объятія и звонкіе поцѣлуи.

Лидія оживала; сердце ея успокоивалось... Ахъ, какъ могла она въ *немъ* сомнѣваться? Изъ-за клубной болтовни, изъ-за вульгарныхъ сплетенъ... Она краснѣла. Ни за что въ мірѣ не повторила бы она этой клеветы! Она едва осмѣлилась спросить:

— Ты хорошо его знаешь?

— Ричарда?... Какъ брата! Олицетворенная честь и честность! Отъ не богатъ...

— О!... — послѣднѣо прервала Лидія.

Они начали толковать о свадьбѣ. Баронесса уже написала въ Вѣну, что скоро воротится, но согласилась на просьбы Лидіи остаться и быть ея посаженою матерью.

— Для дружбы жертвуя материнскою любовью, — заключила она торжественно. — Два мѣсяца ждеть меня сынъ... и еще подождеть! Я поведу тебя къ алтарю!

Лидія оставила виллу въ экстазѣ блаженства; она будто вынесла операцию, отъ которой зависѣла ея жизнь.

На другой день пришелъ Кетскій, нѣжный, влюбленный и слегка грустный. Лидія чувствовала себя виноватою и потому приняла Кетскаго еще привѣтливѣе.

— Вы какъ будто печальны?

— Немножко.

— Стало быть, любовь и печаль могутъ идти вмѣстѣ?

— Чаще всего. Я получилъ дурную вѣсть.

Она задрожала, но скоро успокоилась:

— Я понесъ важную материальную потерю.

— Только-то?

— Будь я бѣденъ, вы бы любили меня, Лидія?

Его голосъ дрожалъ, какъ голосъ ребенка на первой исповѣди.

- Боюсь, я недостоинъ васъ.
 — О, Рикардо!...
 — Моя молодость была бурная. Я бывалъ неостороженъ, беспеченъ, нажилъ себѣ враговъ...

Лидія пришла въ негодованіе на злобу свѣта: Такъ вотъ и весь преступленія Кетскаго: неостороженъ, беспеченъ, и онъ признается въ нихъ сразу... О, еслибъ она могла быть царицей и могла возвысить его до себя! Любовь ея еще болѣе возросла отъ этихъ признаній; къ ней прибавлялись состраданіе, желаніе возстановить честь человѣка... Лидія умѣла презирать общество.

Онъ долго рассказывалъ о своихъ финансовыхъ затрудненіяхъ, о томъ, что оставилъ полкъ изъ-за вопроса чести, о своихъ планахъ въ будущемъ, о желаніи прожить первое время брака въ Подоліи, въ древнемъ домѣ предковъ. Лидія соглашалась на все молча, даже едва отвѣчая пожатіемъ руки; ея сердце, переполненное нѣжностью, уже не находило выраженія.

Исторія Кетскаго—это ея собственная исторія. Не понять, одинокъ среди людей, слишкомъ благороденъ, чтобы склоняться на общепринятая низости, независимъ, смѣлъ, гордъ, полонъ презрѣнія... По ея щекамъ катились крупныя слезы... О, низкие, низкіе!... Она сравнивала жизнь Кетскаго со своею жизнью, возобновляла свои горести и разочарованія, чтобы лучше проникнуться, пережить его горести и разочарованія... и изъ этой глубокой муки выходила неизмѣримая радость: судьба соединила ихъ! Все забудется, все изгладится; будетъ счастье—не ненависть къ свѣту, а полное, безконечное забвеніе...

Она не вспоминала о Кальми и его обвиненіяхъ, когда получила отъ него короткую записку:

«Существуетъ только одинъ Ричардъ Кетскій. Онъ не графъ, не гусарскій поручикъ, потому что изъ полка его выгнали, и не честный человѣкъ, а шулерь».

Лидія отвѣчала:

«Я не признаю ни за кѣмъ, даже за старымъ другомъ, права клеветать на человѣка, котораго уважаю болѣе всѣхъ людей въ мірѣ».

Кальми не отвѣчалъ ни письменно, ни словесно; онъ, естественно, не имѣлъ желанія путаться въ щекотливое семейное дѣло.

Лидія, между тѣмъ, размышиляла: «Какъ люди все преувеличиваютъ! Какая-нибудь вѣтреность, несоблюденіе дисциплины,

минута увлечения, неудача въ игрѣ — и человѣка топчутъ въ грязь!» Ей безъ труда припоминались многія обстоятельства, когда также бросали грязью и въ нее на потѣху общественнаго мнѣнія. Она хотела злымъ, презрительнымъ смѣхомъ.

«Не графъ!... Чѣдъ какое? Благородство у него на лицѣ написано; онъ болѣе всякаго другаго достоинъ носить титулъ. Если разобрать грамоты всѣхъ, кто выставляетъ короны на своихъ визитныхъ карточкахъ, то и половины дворянства не останется!» — и она пожимала плечами.

«Онъ забылъ какой-нибудь карточный долгъ? О, какое величественное предѣз законами свѣта! Или, можетъ быть...»

Она искала чего-нибудь еще покрупнѣе, но не находила, ба-
чала головой и заключала:

«Чѣдъ какъ? Онъ виноватъ, но я, все-таки, его люблю. Лучшая сторона любви — прощеніе. Кто смѣеть бросить камень?»

«Выгнанъ изъ полка...» Эти слова звучали окончательнымъ ужасомъ; холодный потъ выступалъ на вискахъ Лидіи. Кетскій униженій, обреченія на посмѣяніе, осужденіе клонить свою прелестную голову, осужденъ бѣжать, бѣжать въ изгнаніе, одинокий, оставленный всѣми... Ея нервы напряглись и трепетали; изъ сердца къ горлу поднималась горячая волна и душила ее. Ея губы шевелились, будто шепча молитву, будто цѣлую... Нѣть, она не могла осудить его!

Виноватый, онъ сталъ еще милѣе. Безупречный Кетскій принадлежалъ обществу. Теперь онъ исключительно принадлежитъ ей. Она злобно бросала вызовъ этому лицемѣрному обществу; ненависть кипѣла въ ней и придавала ей сверхъестественную силу.

Пресыщеніе дѣлало для нея еще божественнѣе любовь, которой до сихъ поръ она не знала, — любовь властительную, какъ поздняя страсть. Время не ждетъ, скоро у ней появятся сѣдые волосы... Торопись, наслаждайся! И Кетскій тутъ, у ногъ, пламенный, страстный, прелестный, какъ сновидѣніе...

Онъ совсѣмъ уѣхалъ изъ виллы и жилъ въ городѣ, приходя къ невѣстѣ два раза въ день. Менѣе чѣмъ въ недѣлю онъ такъ покорилъ дона Леопольдо, что бѣдный старикъ дождался его такъ же нетерпѣливо, какъ Лидія.

— Вы колдунъ, un charmeur, — говорила Лидія Кетскому. — Въ одной моей дѣтской книжкѣ была картинка: заговориватель змѣй. Вы на него похожи.

Онъ ловко угощалъ маленькимъ слабостямъ дона Леопольдо,

умѣть занять его, заставить разговориться и внимательно слушать. Кетский, изящный молодой человѣкъ послѣдняго времени, казался современникомъ стараго дворянинаго,—такъ онъ умѣть усвоить себѣ духъ того далекаго прошлаго, слиться съ нимъ воспоминаниями и симпатіями. Тонкая, геніальная впечатлительность, чувствительность мимозы, быстрая понятливость, способная схватывать всѣ оттѣнки мысли,—это были таланты Кетскаго, соединенные съ удивительною красотой наружности.

Донъ Леопольдо и его племянница, въ отсутствіе Кетскаго, безпрестанно говорили о немъ, находя все новые очарованія. Изъ виллы черезъ день приходили записочки; Теа все предсказывала счастье и осторожно, покорно жаловалась, что Кетский глазъ къ ней не кажется.

Уже были заказаны свадебные билеты; свадьба назначалась въ началѣ октября; все шло мирно, спокойно, безъ помѣхъ; Лидія, съ опытностью кокетки, заботилась о своемъ приданомъ. Ей хотѣлось бы собрать весь арсеналъ своего побѣдноснаго оружія, но исчислить это оружіе было бы мудрено и, къ тому же, нѣкоторыя странности, на двадцатомъ году увѣнчанныя успѣхомъ, въ тридцать три года были бы уже рискованы. Сожалѣніе о напрасно пропавшой молодости затемняло радость настоящаго... Какъ она была жива, свѣжа! Какъ были густы ея волосы! А бѣленыкіе зубки, а кругленькая шейка?... О, если бы, вмѣстѣ съ сердцемъ, отдать Кетскому свою чистоту и свѣжесть!... Она не была неопытна; она знала, какое широкое мѣсто занимаетъ страсть въ любви мужчины; она выросла въ поклоненіи наружной формѣ и обожала *красивое* до того, что считала его необходимостью. Она цѣловала свои руки, почти благодаря ихъ за то, что онъ сохранили чистоту своихъ линій; она не отходила отъ зеркала, примѣряя наряды.

Умывшись надущеною водой, обсыпавъ лицо пудрой, слегка подкрасивъ губы и подтѣнивъ глаза, надѣвъ ловко сшитое платье, она отходила отъ зеркала удовлетворенная, и отъ удовольствія ея глаза сияли, а улыбка складывалась, какъ бывало прежде. Но все же ей дѣжалось грустно, когда, въ спальнѣ, безжалостный свѣтъ свѣчей грубо вызывалъ тѣни, выказывая угловатости. Испугъ и горе при каждой сброшенной части одежды; настойчивое, подробное созерцаніе, мелочное и вмѣстѣ ужасающее, сильное... Такъ скупецъ смотрѣть на обокраденный сундукъ.

Что унесло ея красоту? Не поцѣлуи, не пламенныя ласки,

которая жгутъ тѣло въ часы безумія и оставляютъ слѣды; не желанія, которая усиливаютъ восторгъ объятій и въ нѣсколько мгновеній заставляютъ переживать годы... Она, чистая девушка, не отдавалась любви. Ее взяло время.

О, если бы вернуться, если бы воротить!...

XVIII.

Прежде офиціального оглашенія, донъ Леопольдо пожелалъ сдѣлать вечеръ для болѣе близкихъ знакомыхъ и объявить о помолвкѣ племянницы. Собрались Кальми, Ланте, семейство Кастьель-Габбіано, одинъ изъ братьевъ Струцци, графиня Коломбо и прочие. Тea важничала, какъ посаженая мать. Лидія написала дружескую записку, приглашая Еву Авелла, но Ева отказалась быть: у ней только что родился ребенокъ. Она заочно желала всевозможного счастья невѣстѣ.

Представленіе Кетскаго обществу было истиннымъ торжествомъ Лидіи. Всѣ ее поздравляли, всѣ съ удивленіемъ и завистью смотрѣли на жениха... Это самое тонкое наслажденіе, вознагражденіе за запоздалый бракъ.

Она подошла къ Кальми, улыбаясь съ высоты блаженства и обмакиваясь прозрачнымъ вѣромъ съ изображеніями амуровъ.

— Вамъ прощено, всѣ мы великодушны! Я даже не хочу вѣсть конфузить, не спрашиваю вашего личнаго мнѣнія о моемъ женихѣ.

Кальми не отвѣчалъ, но посмотрѣль на нее съ такимъ серьезнымъ состраданіемъ, что ея твердость дрогнула.

— Злой скептикъ! Чѣмъ же, вы хотите отравить и этотъ часъ веселья?

Она сѣла подлѣ него, кроткая, ласковая, надѣясь его убѣдить. Онъ—старый другъ; его холодность, его презрѣніе не могли ее не мучить.

— Кальми, будьте умны, разсудите: могу ли я считать во что-нибудь титула, долги, грѣхи юности, когда преступникъ опомнился и отдаетъ мнѣ всю свою жизнь, всю свою любовь?

— Слушайте,—возразилъ Кальми, стараясь владѣть собою,— теперь не время обѣ этомъ толковать, не правда ли? Да вы и слушать не станете, если я вамъ скажу, что онъ...

Лидія смертельно поблѣднѣла. Кальми остановился.

— Дорогая, вижу, вы еще не въ силахъ выдержать правду...

Онъ никогда не называлъ ее «дорогою»; онъ [былъ] растроганъ.

— Я буду въ силахъ, но... [не сейчасъ. Правда ваша, не сейчасъ.]

Она вскочила съ мѣста и побѣжала,—побѣжала какъ на заведенныхъ колесахъ,—и почти упала на руки Тea.

— Красавица моя, какъ ты блѣдна!—вскричала баронесса, матерински-заботливо поправляя ея волосы.

— Скажи, что ты меня любишь, Tea! Мнѣ это надо повторять...

— Вотъ кто лучше повторить.

Баронесса граціозно указала на Кетскаго. Тотъ подошелъ къ ней, улыбаясь, но улыбка вдругъ замѣнилась испугомъ и тревогою.

— Вы блѣдны, моя Лиді?

Не нужно было прибавлять ни слова... Только взглянувъ на него, Лидія забыла все, что говорилъ Кальми!

Но прошла ночь и Лидія на утро вспомнились слова Кальми. Если бы было кому довѣриться—матери, брату!... Но какъ бы ни вырвать, а вырвать эту занозу нужно. Лидія послала за Кальми. Она молила его во имя всего, что ему дорого, сказать все, что онъ знаетъ о Кетскомъ.

Адвокатъ увидѣлъ, что нельзя ни отговариваться, ни ограждаться намеками. Это было дѣло чести. Онъ былъ обязанъ сказать правду дѣвушкѣ, которая просила объ этомъ передъ тѣмъ, какъ рѣшить свою судьбу.

— То, чего вы отъ меня просите, очень серьезно. Не знаю, кто бы на моемъ мѣстѣ взялъ на себя отвѣтственность разбить такую крѣпкую вѣру. Я принимаю эту обязанность. Если бы у меня была сестра и собиралась выйти за Ричарда Кетскаго, я сказалъ бы ей, какъ говорю вамъ, Лидія Вальдора: Кетскій—негодай.

Онъ готовился, что она упадетъ въ обморокъ. Она сидѣла прямо, опираясь на ручки кресель, сжавъ губы, раскрывъ глаза, относительно спокойная, и сказала тихо:

— Доказательства!

— Безъ состоянія, привыкъ кутить, жиль игрой.

— Это не доказательства,—прервала она рѣзко.

— Принужденный выйти въ отставку, въ отчаянномъ поло-

женії, безъ гроша, опозоренный, онъ пріѣхалъ въ Италію къ своей любовницѣ, баронессѣ фонъ-Штернъ.

— Доказательства! — повторила Лидія, задыхаясь.

— Доказательства будуть. Покуда разсмотримъ обстоятельства. Съ одной стороны, отчаянный человѣкъ, готовый на самоубийство; съ другой—любовница, которая спасти его не можетъ, не имѣть средствъ... И между этими людьми — жертва обмана, предательства...

Лидія сдѣлала движеніе, будто умоляла сжалиться надъ нею. Слишкомъ много разъ выносила она униженія быть любимою изъза денегъ, на этотъ разъ вынести не могла. Все это—ужасный сонъ; она старалась очнуться; ей представлялись сцены прошлого, подробности, казавшіяся неважными, взгляды, условные знаки, волненіе Тea передъ пріѣздомъ Кетскаго, ихъ интимные разговоры...

Она забывалась. Кальми думалъ, что она борется, и хотѣлъ помочь ей рѣшительнѣе.

— Наконецъ, доказательство неопровергимое...

Лидія не дала договорить. Внѣ себя, съ искаженнымъ лицомъ, вся дрожа, болѣзненно, судорожно протянула она руки, какъ утопающей старается ухватиться за доску.

— Не говорите ничего, ничего! Онъ измѣнялъ слову, онъ мошенничалъ, онъ сбѣжалъ, какъ воръ, онъ былъ любовникомъ Тea — я все прощаю. Теперь онъ мой! Кальми, понимаете ли: мой, я люблю его, я хочу его! Какое мнѣ дѣло, чѣмъ онъ былъ? Какое мнѣ дѣло до суда свѣта? Я его люблю.

Она говорила порывисто, умоляла, плакала. Кальми былъ смущенъ, тяготясь своею ролью мучителя. Онъ тихо взялъ ея руки и нѣжно, выбирая слова, чтобы ей не такъ было больно, сталъ убѣждать ее, что заблуждаться не надо, что Кетскій болѣе и крѣпче, чѣмъ когда-нибудь, связанъ съ своею сообщницей.

— Такъ что-жъ вы раньше не говорили? — закричала Лидія, въ мгновенномъ переходѣ страсти набрасываясь съ обвиненіями на Кальми. — Вы ждали, чтобы всѣ узнали о свадьбѣ? Почему вы не явились честно, открыто, публично поддержать ваши обвиненія? Вотъ кто обманщикъ — тотъ, кто не имѣеть мужества открыто высказать свое мнѣніе, кто ранить изподтишка, какъ трусь!

Лицо Кальми всыхнуло. Онъ поднялъ на Лидію свои холодные глаза и отвѣчалъ:

— Припомните, какъ вы приняли мои первыя предостереженія: я не имѣлъ права настаивать. Тогда я зналъ только половину того, что вы называете обвиненіями. Основываясь на сло-вахъ знакомыхъ, которые бывали въ Вѣнѣ въ одномъ кругу съ Кетскимъ, я говорилъ вамъ, что Кетскій — chevalier d'industrie, и даже хуже. Надняхъ случай (для васъ не интересный) доста-вилъ мнѣ всѣ нити этой интриги.

— Объясните,—сказала Лидія, снова овладѣвъ собою.

— Всѣ думаютъ, что баронесса живетъ у себя на виллѣ. Это только отговорка. Она всякий день въ городѣ у Кетскаго отъ двухъ часовъ до шести.

— Въ то время, которое онъ не бываетъ у меня! — просто-нала Лидія и вдругъ встрепенулась отъ упорной надежды. — Такъ что же? Они родные, они дружны, у нихъ общія дѣла...

— Да, дѣла общія. Но подумайте, еслибы это были дѣла позволительныя, то ихъ можно бы разбирать и не въ меблиро-ванныхъ комнатахъ... Извините, я говорю... безъ покрововъ, которые, мнѣ кажется, ни къ чему.

— Я хочу видѣть! — вскричала Лидія.

— Видѣть? Кого?

— Видѣть ихъ!

— Это было бы самое лучшее доказательство, — поспѣшилъ сказать Кальми, — но чтобы видѣть...

Лидія презрительно засмѣялась.

— О, я не притворяюсь скромницей! Вы меня должны знать: я ни передъ чѣмъ не отступаю. Ведите меня.

— Куда?

— Въ тотъ домъ. Какъ разъ время.

— Но вы не знаете...

— Знаю, знаю... не беспокойтесь.

— Но я хожу туда...

— Воображаю, въ другой компаніи! Что жь, такъ и быть, принесите сегодня покаяніе. Я еще не такъ безобразна; вамъ меня стыдно не будетъ.

Эта послѣдняя, отчаянная насмѣшка его поразила. Онъ еще пробовалъ отговаривать ее; она бросилась передъ нимъ на ко-жѣни, онъ подхватилъ ее.

— Докажите, или вы — лжецъ! — вскричала она, скрежеща зубами.

— Вѣдемте! — сказалъ Кальми.

У подъезда дома онъ велѣль остановиться наемной каретѣ, въ которой они прѣхали. Лидія хотѣла выскочить. Адвокатъ все еще надѣялся удержать ее.

— Подождите, васъ увидѣть. Такъ безопаснѣе.

Лидія притихла и скоро заволновалась снова. Она увидѣла, какъ по улицѣ шла Тea, медленно, раскачиваясь, вертя зонтикомъ, сіяя стеклярусомъ.

— Она!—глухо вскрикнула Лидія.

Тea, не оглядываясь, прошла мимо кареты, пріостановилась, осмотрѣлась кругомъ и быстро скрылась въ дверь.

— Онъ еще не проходилъ,—сказала Лидія.

Адвокатъ грустно улыбнулся: она все еще надѣется!

— Онъ тамъ, наверху.

— Такъ идемъ!

— Подождите.

— Идемъ!

Она распахнула дверцу и тащила адвоката. Полуживая, она не взвидѣла ни лѣстницы, ни входа и очутилась въ темной, тѣсной каморкѣ. Кальми заставилъ ее сѣсть и, стоя, держалъ ея руки, будто докторъ, считающій пульсъ пациента.

Изъ-за тонкой перегородки, въ соседней комнатѣ, слышались голоса. Лидія не дышала. Слова отрывочныя, нельзя хорошо разсышать. Наконецъ, ясный, слишкомъ знакомый голосъ отчетливо произнесъ по-французски:

— Терпѣніе, душа моя!

— Не довольно ли?—прошепталъ Кальми.

Ногти Лидіи впивались въ его руки. Она, молча, вырвалась, бросилась къ перегородкѣ, прислонилась головой... Станный, глухой голосъ Тea продолжалъ:

— Я не ревную къ этой куклѣ, но ты знаешь, я тебя обожаю...

— Радость моя!—отвѣчалъ Кетскій.

Лидія отшатнулась, какъ-то завертѣлась и упала на руки Кальми, который отнесъ ее въ карету.

Онъ не оставлялъ ее весь день до вечера.

— Благодарю васъ, Кальми, вы очень добры. Я не думала, что вы такъ добры. Но напрасно...

Повторяя «напрасно», Лидія хваталась за сердце, будто поддерживая что-то разбитое. Она лежала, одѣтая, на своей громад-

ной постели на *факелахъ и любовныхъ узлахъ* стариннаго одѣяла. Кальми не зналъ, какъ утѣшить ее, чувствуя, что слова бесполезны предъ этимъ нѣмымъ отчаяніемъ. Иногда, осмѣливаясь, онъ поминалъ о покорности судьбы, о мужествѣ... Лидія прерывала его движеніемъ руки, будто возражая на все, что онъ могъ сказать, наконецъ, тихо замѣтила:

— Видите, какъ хорошо тѣмъ, кто привыкъ страдать. Я не привыкла, не могу! Хорошо тѣмъ, кто вѣрить,—тѣмъ, кто любить! Я не умѣю, не могу! Я любила только его!

— Милая, жизнь велика: утѣшитесь, забудете...

— Я кончила жить.

— Столько еще есть, для чего жить.

— Не для меня. Я все испытала. Для чего покоряться? Изъ-за чего бороться? Нѣть у меня идеаловъ, которые бы поддерживали... Нѣть даже возможности наслаждаться... вотъ, смотрите: уже сѣдые волосы.

Горькій ли упрекъ эти слова, или осужденіе холодному отрицанію, все разрушающему и не создающему ничего? Онъ склонилъ голову.

Время шло. Лидія спросила:

— Который часъ?

— Десять. Вы хотите отдохнуть?

— Да.

— Завтра потолкуемъ.

Лидія не отвѣчала и встала, шатаясь. За ширмой горѣла свѣча; на столикѣ что-то блеснуло. Лидія присмотрѣлась.

— Вы что-нибудь ищете?—спросилъ Кальми.

— Ничего.

Она проводила его до двери, блѣдная, но спокойная.

— Прикажете позвать горничную?

— Нѣть. Потрудитесь сказать въ передней, что мнѣ ничего не нужно. Благодарю васъ.

Кальми уходилъ. Лидія вернула его, положила ему руки на плечи, почти прислонилась лицомъ къ его лицу и смотрѣла ему въ глаза.

— А было время, вы обо мнѣ очень дурно думали, не правда ли?

— Правда,—отвѣчалъ Кальми, почти довольный, что она занялась другимъ.—Но за то теперь...

— Да, теперь вы меня немножко любите... Поздно!...

На другой день Кальми прибѣжалъ печальный, взволнованный. Всѣ комнаты настежь, слуги въ слезахъ, спальня Лидіи обращена въ погребальную часовню, у постели зажжены свѣчи. Въ ногахъ сидить донъ Леопольдо безъ слезъ, по-дѣтски тараща глаза.

Она лежала, убранная, на подушкахъ; руки вытянуты, глаза закрыты, волосы распущены, нѣжное лицико мраморно - блѣдно. На шеѣ черная лента, застегнутая брилліантомъ.

Служанка приподняла край одѣяла и показала Кальми кровавое пятно на мѣстѣ *ея* сердца. На столикѣ блестѣлъ маленький револьверъ...
